УЧЕНІЕ О БОГѢ-СЛОВѢ

ВОСТОЧНЫХЪ АПОЛОГЕТОВЪ II ВѢКА.

И. Знаменскаго.

КАЗАНЬ.
Типографія Императорскаго Университета.
1882.

Отдѣльный оттискъ изъ „Православнаго Собесѣдника“ 1882 г.

Лице Іисуса Христа прежде всего обратило на себя вниманіе древнихъ христіанскихъ писателей и ученіе о Немъ, какъ составляющее начало, основу и сущность христіанства, развивается въ церковной литературѣ раньше всякаго другаго ученія. Это ученіе, составляющее главный предметъ новозавѣтнаго откровенія, находится въ св. писаніи; открытое святымъ апостоламъ самимъ воплотившимся Словомъ, оно изложено ими въ „Евангеліяхъ“ и „Посланіяхъ“.— Но, не составляя отъ себя какую-нибудь новую религіозную систему, а описывая только то, что видѣли сами, живя съ Іисусомъ Христомъ,—и что слышали отъ своего Божественнаго Учителя, апостолы не представили въ своихъ писаніяхъ какого-нибудь научнаго, систематическаго и подробно раскрытаго изложенія откровенныхъ истинъ; они выразили ихъ только въ ихъ главныхъ, существенныхъ чертахъ.

Основанная Іисусомъ Христомъ церковь приняла всѣ откровенныя истины въ ихъ первоначальной простой формѣ и, не требуя подробныхъ разъясненій или какихъ нибудь доказательствъ, довольствовалась простою вѣрою. Поэтому у свв. отцевъ только что основанной церкви, у непосредственныхъ преемниковъ свв. апостоловъ, „мужей апостольскихъ“, мы не находимъ подробнаго религіозно-философскаго изслѣ-

дованія и изъясненія откровенныхъ истинъ о Богѣ-Словѣ, Его отношеніи къ Богу Отцу и къ міру и друг. Простое, категорическое формулированіе откровенныхъ истинъ — вотъ главный характеръ, какимъ отличаются всѣ ихъ сочиненія. Касаясь ученія о Богѣ-Словѣ, Его воплощеніи и искупленіи Имъ человѣчества, они повторяютъ почти буквально ученіе апостоловъ.

Но такое непосредственное отношеніе къ откровеннымъ истинамъ не могло долго продолжаться въ церкви. Церковь, принявшая божественное откровеніе, состоитъ изъ людей, а люди стараются понять каждую, предлагаемую имъ, истину и усвоить ее по законамъ своего мыслящаго ума. Такъ и богооткровенная истина, сдѣлавшись достояніемъ человѣка, должна была подвергнуться нѣкоторой переработкѣ и, не измѣняясь въ сущности, получить внѣшнюю форму, болѣе развитую и болѣе приспособленную къ пониманію каждаго; „пребывая неизмѣнными въ самомъ откровеніи, какъ по числу, такъ и по существу своему, говоритъ нашъ отечественный богословъ, догматы вѣры тѣмъ не менѣе должны раскрываться и раскрываются въ церкви по отношенію къ вѣрующимъ“ (1).

Научное раскрытіе христіанскихъ догматовъ, въ особенности догмата о Христѣ Спасителѣ, Его отношеніи къ Богу и къ міру, какъ самаго важнаго въ христіанской религіи, началось со II вѣка, когда въ среду христіанства стали вступать лица, получившія научное и философское образованіе и когда самыя внѣшнія условія требовали того, чтобы христіанскія истины были облечены въ научную форму (2).

---

(1) Православно-догматическое Богословіе архіеписк. Макарія. Томъ I. Спб. 1849. стр. 12.

(2) Здѣсь мы разумѣемъ тотъ фактъ, что языческіе ученые, между прочимъ, презирали христіанство за его простоту и безыскуственность; христіанъ называли «людьми безъ философіи», не могущими не только

Такими лицами, положившими начало научному развитію христіанскихъ истинъ и изъяснявшими откровенныя истины по началамъ разума, были апологеты II вѣка: св. Іустинъ философъ, Татіанъ, Аѳинагоръ, св. Ѳеофилъ епископъ антіохійскій и друг. Первое мѣсто между ними занимаетъ св. Іустинъ философъ, не только по времени своей жизни и дѣятельности и по своему вліянію на послѣдующихъ апологетовъ, но главнымъ образомъ по своему глубокому философскому взгляду на исторію человѣчества до христіанства и на самое христіанство. За его глубокія и широкія воззрѣнія на христіанство его по всей справедливости называютъ отцемъ и творцемъ христіанской философіи и св. церковь только его одного назвала именемъ „философа". Всѣ эти упомянутые апологеты, поставившіе себѣ задачею защитить (ἀπολογεῖσθαι) христіанскую религію отъ разныхъ нареканій противъ нея, показать іудейско-языческому міру разумность ея и превосходство предъ прочими религіями, были людьми глубоко и всесторонне образованными, знакомыми какъ съ религіозными, такъ и съ философскими системами древняго міра. Такъ объ *Іустинѣ* мы узнаемъ изъ его *„Разговора съ Трифономъ іудеемъ"*, что онъ прошелъ всѣ философскія школы, ища истины, пока наконецъ не нашелъ ее въ христіанствѣ (гл. 2—8). *Татіанъ* много путешествовалъ съ научной цѣлью, изучилъ миѳологію, литературу, философію и исторію, такъ что вслѣдствіе своихъ многостороннихъ познаній пріобрѣлъ себѣ почетное имя между образованными людьми (1). *Аѳинагоръ*, по свидѣтельству Филиппа Сидета,

---

другимъ, но и себѣ дать отчета въ своихъ вѣрованіяхъ Такое отношеніе язычества къ христіанству побудило отцевъ и учителей церкви прибѣгнуть къ искусству человѣческаго слова и къ философіи.

(1) «О Татіанѣ и его апологіи» — статья свящ П. А. Преображенскаго, составляющая введеніе къ изданію сочиненія Татіана въ русскомъ переводѣ: «Рѣчь противъ эллиновъ» М 1867. См. также самую «Рѣчь» гл. 1.

былъ философомъ и написалъ много сочиненій, о чемъ онъ и самъ говоритъ въ своемъ трактатѣ „*О воскресеніи мертвыхъ*“. *Св. Ѳеофилъ антіохійскій* также получилъ высокое научное образованіе (1). Всѣ они, не удовлетворившись языческой философіей, но въ тоже время имѣя сильное стремленіе познать истину, нашли себѣ полное удовлетвореніе въ христіанской религіи, на защиту которой они посвятили всѣ свои умственныя силы. Защита ихъ состояла съ одной стороны въ опроверженіи тѣхъ несправедливыхъ обвиненій, какія были возводимы на христіанъ, а съ другой стороны въ раскрытіи высокихъ христіанскихъ истинъ и въ показаніи превосходства христіанства предъ язычествомъ. Но такъ какъ главнымъ пунктомъ христіанскаго ученія служитъ, какъ мы уже сказали выше, ученіе о второмъ Лицѣ пресв. Троицы и великомъ дѣлѣ искупленія Имъ человѣчества, то апологеты, говоря о христіанствѣ, необходимо должны были говорить о Богѣ-Словѣ, Его отношеніи къ своему Отцу и къ міру и о совершенномъ Имъ дѣлѣ искупленія человѣчества. Изложеніе этого ученія о Богѣ-Словѣ у восточныхъ апологетовъ II вѣка: св. *Іустина философа, Татіана, Авинагора и св. Ѳеофила антіохійскаго* и составляетъ предметъ настоящаго изслѣдованія.

I.

Св. Іустинъ (2) не писалъ особаго трактата о Словѣ; его ученіе о Словѣ заключается въ его „Апо-

(1) См. также предисловіе о. Преображенскаго къ его сочиненіямъ.

(2) Если между древними отцами и учителями церкви находится очень много такихъ, которые въ своихъ сочиненіяхъ не даютъ намъ почти никакихъ свѣдѣній о своей жизни и дѣятельности, то св. Іустинъ въ этомъ отношеніи составляетъ счастливое исключеніе. Всѣ почти біографическія свѣдѣнія о немъ мы заимствуемъ изъ его сочиненій — Языческое происхожденіе св. Іустина несомнѣнно (I Апол. 1 гл., Разг. съ

логіяхъ"—большой и малой, или первой и второй, а также въ его „Разговорѣ съ Трифономъ іудеемъ". Въ первыхъ онъ, прилагая философскіе пріемы и тер-

Триф гл 28, 1). Онъ родился въ Флавіи Неаполѣ (древній Сихемъ, нынѣ—Наплуза) въ Самаріи, въ послѣднихъ годахъ I вѣка или въ первыхъ годахъ II вѣка. (Ученые говорятъ объ этомъ различно, такъ по однимъ (Фабрицій, Голландъ. Отто и др.)—въ 89 году, а по другимъ (Тиллемонъ, Реми-Сельe, Мёлеръ и др.)—въ 103 году. Послѣднее признается болѣе вѣроятнымъ. См соч. Obè: De apologétique chrétienne au II siècle. Saint Justin Philosophe et Martyr, par *B. Aubè* Paris. 1861 г. стр. 6—8). Его богатые родители доставили ему, насколько это было возможно въ то время, блестящее образованіе. Но, одаренный отъ природы необыкновенной любознательностію и чувствуя въ себѣ непреодолимое стремленіе къ истинѣ, св. Іустинъ неудовлетворился своимъ языческимъ образованіемъ: онъ скоро созналъ всю пустоту его и началъ искать разрѣшенія разныхъ мучившихъ его вопросовъ, преимущественно о Богѣ и послѣдней судьбѣ человѣка. Для этого онъ обратился къ философіи; здѣсь онъ переходилъ изъ одной школы въ другую, ища себѣ удовлетворенія и нигдѣ не находя его (Разг. съ Триф. гл. 2—7). Встрѣча съ однимъ старцемъ христіаниномъ (думаютъ, что это былъ св. Поликарпъ смирнскій), человѣкомъ высокообразованнымъ и созрѣвшимъ въ духовной жизни, положила конецъ всѣмъ его исканіямъ.. Нашедши истину въ христіанствѣ, св Іустинъ рѣшился проповѣдывать ее и защищать съ тою же самою ревностію, съ какою онъ и отыскивалъ ее.— Извѣстно, что христіанство еще съ самаго появленія своего встрѣтило противодѣйствіе себѣ со стороны древняго міра. Это противодѣйствіе выразилось съ внѣшней стороны въ гоненіяхъ и преслѣдованіяхъ христіанъ (въ I—III вв.), а съ внутренней—въ борьбѣ старыхъ началъ іудейско-языческихъ съ новыми—христіанскими. Св. Іустинъ. сознавая всю несправедливость такого отношенія къ христіанской религіи, выступилъ на защиту ея. Къ правительству онъ обратился съ *двумя апологіями*, въ которыхъ доказывалъ несправедливость преслѣдованія христіанъ и раскрывалъ истинность ихъ ученія, безукоризненность ихъ образа жизни и чистоту ихъ обрядности. Въ борьбѣ противъ іудеевъ св. Іустинъ раскрывалъ съ одной стороны прообразовательный характеръ Ветхаго Завѣта, его временное значеніе и отмѣненіе, а съ другой—божественность Христа и Его Новаго Завѣта и исполненіе ветхозавѣтныхъ пророчествъ въ христіанствѣ. Литературнымъ памятникомъ его борьбы съ іудействомъ остался его *„Разговоръ съ Трифономъ іудеемъ"*. Такая ревностная борьба св. Іустина съ врагами христіанства стоила ему жизни. Онъ умеръ мученическою смертію въ 166 или 167 году —Кромѣ упомянутыхъ сочиненій, этотъ знаменитый христіанскій апологетъ писалъ еще книгу *противъ эллиновъ, противъ всѣхъ ересей и Маркіона въ*

мины къ раскрытію ученія о Богѣ-Словѣ, даетъ ему научную форму. а во второмъ, изслѣдуя всѣ ветхозавѣтныя прообразованія и пророчества, относящіяся ко Христу, онъ доказываетъ, что въ Іисусѣ Христѣ дѣйствительно явилось ипостасное Слово и что Христосъ такимъ образомъ есть истинный Богъ и истинный человѣкъ, или Богочеловѣкъ.

Ученіе о Словѣ не излагается у св. Іустина систематически, такъ какъ цѣлью его апологій не было только представить императорамъ-философамъ [1] христіанское ученіе, но и защитить христіанъ отъ тѣхъ обвиненій, какія возводимы были на нихъ язычниками. Опровергая послѣдовательно эти обвиненія и доказывая несправедливость преслѣдованія христіанъ, св. Іустинъ и излагаетъ ученіе о Словѣ, доказывая имъ тѣ или другія истины. Точно также не излагается въ строгой системѣ ученіе о воплотившемся Словѣ и въ „Разговорѣ съ Трифономъ іудеемъ". Поэтому, не слѣдуя порядку главъ, представимъ на основаніи всѣхъ сочиненій св. Іустина цѣльный очеркъ его ученія о Словѣ, Его существѣ и Его отношеніи къ Богу Отцу и затѣмъ къ міру—въ іудействѣ и язычествѣ.

Богъ-Слово, по ученію Іустина, есть происшедшій отъ Отца и по волѣ Отца Сынъ Божій [2], не въ нравственномъ смыслѣ, въ какомъ называются сынами Божіими всѣ христіане, возрожденные благодатію

особенности, пѣвецъ и трактатъ *о душѣ* (Евсевій, Церк. Ист. IV). Но всѣ эти сочиненія не дошли до насъ. Св. Іустину приписываются еще сочиненія: Посланіе къ Діогнету, Слово къ эллинамъ, Увѣщаніе къ эллинамъ, О единовластительствѣ Божіемъ и Отрывокъ о воскресеніи. Но подлинность ихъ подвергается сомнѣнію. (См. Сочиненія св. Іустина философа и мученика, изданныя въ русскомъ переводѣ, со введеніями и примѣчаніями къ нимъ свящ. *П. Преображенскимъ*. М. 1864 г. стр. 24).

[1] Титу Элію Адріану, Антонину Пію и Марку Аврелію.

[2] II Апол 6 гл. (стр. 120). Разг. гл. 61 (стр. 246), гл. 126. (стр. 337) и др. I Апол. гл. 63 (103 стр.).

Божіею, а въ собственномъ смыслѣ,—Онъ есть *υἱός ἴδιος*, „единый собственно Сынъ“ (1). „Мы называемъ Его, говоритъ св. Іустинъ, Сыномъ Божіимъ и знаемъ, что Онъ.... произошелъ отъ Отца силою и волею Его“ (2). „Онъ есть *Единородный* у Отца всего, собственно отъ Него рожденный“ (3) Сынъ Его (Бога), Который одинъ называется собственно Сыномъ, Слово, сущій прежде всѣхъ тварей и т. д. (4).

Происхожденіе Его отъ Отца св. Іустинъ мыслитъ подъ формою *рожденія*, но рожденія не простаго, понимаемаго въ обыкновенномъ, естественномъ смыслѣ, а сверхъестественнаго (5). Въ чемъ же состоитъ это рожденіе? Этотъ отвлеченный вопросъ апологетъ изъясняетъ приспособительно къ человѣческому пониманію, не отрицая въ тоже время и непостижимости этого догмата. Съ понятіемъ „рожденія“ на обыкновенномъ человѣческомъ языкѣ необходимо соединяется представленіе совершеннаго выдѣленія того существа, которое родится, отъ того, которое родитъ. Такое человѣческое пониманіе акта рожденія не вполнѣ приложимо къ тайнѣ божественнаго рожденія. Приближая послѣднюю къ человѣческому пониманію, св. Іустинъ старается объяснить ее, насколько это возможно, посредствомъ различныхъ образовъ. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что „Слово Божіе рождено отъ Отца силою и волею Его, но не чрезъ отсѣченіе, какъ будто раздѣлилась сущность Отца, подобно всѣмъ прочимъ вещамъ, которыя дѣлятся и раздробляются и не остаются тѣми же, ка-

---

(1) I Апол. гл. 23 (стр. 61).

(2) Разг. гл. 100 (стр. 313). II Апол. гл. 6 стр. (120).

(3) Разг. гл. 105 (стр 320). «*Μονογενὴς γὰρ ὅτι ἦν τῷ Πατρὶ ὅλων ἰδίως ἐξ Αὐτοῦ γεγεννημενος*» Dialog cum Thiph. cap. CV (по изданію *Галландія*).

(4) II Апол. 6 гл.

(5) «Онъ, Слово Божіе, родился отъ Бога особеннымъ образомъ и выше обыкновеннаго рожденія». См. I Апол. 22 гл. (стр. 59).

ками были прежде раздѣленія“ (1). Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ въ поясненіе тайны рожденія: „не видимъ ли подобное этому и въ насъ самихъ? Произнося какое либо слово, мы раждаемъ его, но не чрезъ отдѣленіе, такъ чтобы уменьшилось слово въ насъ, когда мы его произносимъ. Подобнымъ образомъ,—мы видимъ, отъ огня происходитъ другой огонь, но такъ, что не уменьшается тотъ, отъ котораго онъ возженъ, а остается тѣмъ же, тогда какъ и возженный отъ него дѣйствительно существуетъ и свѣтитъ безъ уменьшенія того, отъ котораго онъ возженъ“ (2).

Таковы два подобія, употребленныя св. Іустиномъ для изъясненія тайны рожденія Слова. Конечно эти сравненія не объясняютъ вполнѣ предмета; потому что невозможно точно выразить человѣческимъ языкомъ образъ рожденія Сына отъ Отца или различіе Рождаемаго отъ Рождающаго при единствѣ ихъ существа. Если мы обратимся къ ученію о томъ же предметѣ послѣдующихъ свв. отцевъ, напр. IV вѣка: *св. Аѳанасія александрійскаго. Василія Великаго, Григорія Богослова. Григорія нисскаго* и др., то увидимъ, что и они, желая выяснить, насколько это возможно для человѣческаго разума, понятіе рожденія Сына отъ Отца, употребляютъ, вмѣстѣ съ другими, такія же подобія и всетаки въ концѣ концовъ высказываютъ мысль, что „рожденіе Сына превышаетъ и превосходитъ человѣческія представленія“ (3). Такъ по *св. Аѳанасію*, Сынъ раждается отъ Отца, обособляется отъ Него, получаетъ бытіе отъ вѣчности, а не во времени... Но это не отдѣленіе или отчужденіе отъ Отца, такъ чтобы Сынъ въ актѣ Своего рожденія отдѣлился отъ Своего Отца и получилъ другую сущность. Въ Богѣ нѣтъ дѣленія или дробленія на ча-

(1) Разг. гл. 128 (стр. 361).

(2) Разг. гл. 61 (стр. 246).

(3) Творенія иже во св. о. н. Аѳанасія архіепископа александрійскаго. М. 1851 г. ч. I, стр. 327.

сти... Это такой актъ, который совершается внутреннимъ образомъ. Сыну передается вся полнота Божества, и по Своей сущности Онъ не ниже Отца". Какъ на образы рожденія Сына отъ Отца, св. Аѳанасій указываетъ на сіяніе, происходящее отъ солнца, рѣку, истекающую изъ ключа (истока), слово человѣка, происходящее отъ его ума и др. „Отецъ, имѣя бытіе отъ Себя, родилъ Сына, а не создалъ, родилъ какъ *рѣку* отъ истока, какъ *растеніе* отъ корня, какъ *сіяніе* отъ свѣта, все же это видимъ въ природѣ нераздѣльнымъ" (1).—Подобно св. Аѳанасію раскрывалъ свое ученіе о рожденіи Слова и *св. Василій Великій* (противъ Евномія). Рожденіе Сына отъ Отца не представляетъ какого либо матеріальнаго отдѣленія, какъ думаетъ Евномій. Если Богъ противоположенъ всему сотворенному, то и дѣятельность Его противоположна, и рожденіе Имъ Сына должно быть не таково, какое мы видимъ въ природѣ. Сынъ раждается отъ Отца, какъ *сіяніе отъ солнца*. „Если сіяніе всякаго свѣта раждается отъ свѣта, но не съ теченіемъ времени, а внѣ времени и соприсносущно свѣту: ибо нѣтъ свѣта безъ сіянія; то и Сынъ, будучи сіяніемъ, будетъ не съ теченіемъ времени, но совѣчно, потому что Богъ есть свѣтъ" (2). Точно также св. Василій В. сравниваетъ рожденіе Слова Божія съ происхожденіемъ человѣческаго *слова отъ ума*: „ибо и наше слово—порожденіе ума, рождаемое безстрастно; оно не отсѣ-

---

(1) Тв. св. Аѳанасія ал. ч. I, стр. 165 И въ другомъ мѣстѣ говоритъ этотъ св. отецъ: «хотя и дерзко входить въ изслѣдованіе о недомыслимомъ естествѣ, однако намъ должно объяснить мысленное словомъ. Посему, какъ имѣющему здравый умъ невозможно представить, что солнечный *свѣтъ*, озаряющій вселенную, сіяетъ безъ *солнца*, потому что солнечный свѣтъ соединенъ съ естествомъ солнца. .. Такъ благочестиво думать, что Божественная сущность Слова соединена по естеству съ Отцемъ своимъ» Ibid. стр. 171. О томъ же—см. выше, стр. 163.

(2) Творенія иже во святыхъ о. н. Василія Великаго, архіепископа Кесаріи Каппадок. т. IV. М. 1857 г. стр. 147.

кается, не отдѣляется, не истекаетъ; но всецѣлый умъ, пребывая въ собственномъ своемъ составѣ, производитъ всецѣлое и совершенное слово; и происшедшее слово заключаетъ въ себѣ всю силу породившаго ума" (1).

Послѣ св. Василія В. укажемъ на св. *Григорія Богослова*, который такъ глубоко и смѣло рѣшалъ высшіе богословскіе вопросы, какъ никто другой. Говоря о лицахъ пресвятой Троицы, онъ допускаетъ такіе образы: „*родникъ*", „*ключъ*" и „*потокъ*", затѣмъ: „*солнце*", „*лучъ*" и „*свѣтъ*" (2), наконецъ сравниваетъ отношенія между лицами съ отношеніемъ между *умомъ* (душой), *мыслью* и *словомъ* въ человѣкѣ: „Сынъ Божій названъ Словомъ, потому что Онъ такъ относится къ Отцу, какъ слово къ уму, не только по безстрастному рожденію, но и по соединенію съ Отцемъ и потому, что изъявляетъ Его. А иной сказалъ бы, можетъ быть, что относится къ Отцу, какъ опредѣленіе къ опредѣляемому, потому что и опредѣленіе называется словомъ" (3). Но при этомъ прибавляетъ: „я опасаюсь, какъ бы не внести въ понятіе о Божествѣ какой-либо численности, матеріальности и т. п. лучше всего отступиться отъ всѣхъ образовъ, какъ обманчивыхъ и далеко недостигающихъ истины" (4).

Наконецъ по св. *Григорію Нисскому*, „рожденія" человѣческаго нельзя прилагать къ божественному. Рожденіе Сына отъ Отца есть рожденіе *безстрастное* (также противъ Евномія). Вотъ почему, для удаленія всякаго представленія о страстности, св. Іоаннъ Богословъ, въ первыхъ стихахъ своего

---

(1) Творенія иже во святыхъ о. н. Василія Великаго, архіеписк. Кесаріи Каппадок. т. IV. стр 271.

(2) Творенія св. Григорія Богослова ч. III. Москва. 1844 г. стр. 131—132.

(3) Ibid. стр. 99

(4) Ibid. стр. 133. «Ты слышишь о рожденіи: не допытывайся знать, каковъ образъ рожденія».—Твор. св. Гр. Б ч. II, стр. 173.

Евангелія, говоря о рожденіи Сына отъ Отца, употребляетъ сначала выраженія: „начало“, вмѣсто „Отецъ“, „*Λογος*“ вм. „Сынъ“ и „былъ“ вм. „родился“; только приготовивъ читателя, Іоаннъ уже называетъ Отца и Сына ихъ собственными именами: „и видѣхомъ славу Его, яко Единороднаго отъ Отца (ст. 14..)“. Лучшій образъ для выраженія понятія рожденія, по св. Григорію Н., есть *слово*, произносимое нами, или *сіяніе* происходящее отъ солнца (Тв. св. Гр. Н. т. V.). Такъ же раскрывали это ученіе и послѣдующіе св. отцы (1).

Когда же, по Іустину, совершился этотъ актъ рожденія или когда началъ существовать, когда явилось Слово Божіе?

Св. Іустинъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій ясно доказываетъ, что Слово существовало въ Богѣ отъ вѣка, что Оно родилось отъ Него также отъ вѣка, въ началѣ, прежде всего, прежде всѣхъ тварей, почему Оно есть „перворожденный Сынъ Божій“. „Сынъ Его (Бога), говоритъ апологетъ въ одномъ мѣстѣ,... Слово, прежде тварей сущее съ Нимъ и рождаемое отъ Него, когда въ началѣ Онъ все создалъ и устроилъ и т. д. (2). Въ другомъ мѣстѣ Онъ говоритъ, что „въ началѣ, прежде всѣхъ тварей, Богъ родилъ изъ Себя нѣкоторую разумную Силу, которая называется..... то Сыномъ, то Премудростью, то Ангеломъ, то Богомъ, то Господомъ и Словомъ“ (3) и въ доказательство своей мысли приводитъ извѣстное мѣсто изъ книги Притчей, свидѣтельствующее о вѣчности рожденія Слова: Господь созда Мя начало пу-

---

(1) Нельзя не упомянуть здѣсь о св. *Іоаннѣ Дамаскинѣ* (VIII в.), который, основательно изучивъ всѣ богословскія сочиненія предшествующихъ свв. отцевъ, сдѣлалъ первый опытъ системы «Догматическаго богословія». Въ своемъ «Точномъ изложеніи вѣры» онъ для уясненія тайны рожденія Сына отъ Отца употребляетъ образъ *свѣта*, происходящаго отъ огня (Кн. I, гл. 8; ср. также гл. 13).

(2) 2 Апол. гл. 6 (стр. 120).

(3) Разг. гл. 61 (стр. 246).

тей Своихъ въ дѣла Своя. Прежде вѣкъ основа Мя, въ началѣ, прежде неже землю сотворити, прежде неже бездны содѣлати.... прежде, неже горамъ водрузитися, прежде же всѣхъ холмовъ раждаетъ Мя.... Егда готовяше небо, съ Нимъ бѣхъ.... Азъ бѣхъ, о Нейже радовашеся и т. д. (1). И въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „вы слушатели (іудеи) понимаете, что по

---

(1) Разг. гл. 61 (стр. 247). Это доказательство св. Іустина впослѣдствіи оспаривалось аріанами и объяснялось совершенно въ превратномъ смыслѣ: такъ они говорили, что по этому изреченію (Притч. 8 гл. 22 ст.) Сынъ созданъ, *сотворенъ* Богомъ въ дѣла, т. е. для устройства міра, слѣдовательно Онъ—тварь и, какъ тварь, не существовалъ прежде своего сотворенія. Св. Аѳанасій Великій, а за нимъ свв. Василій В., Григорій Богословъ, Григорій Нисскій и др. основательно доказали неправильность аріанскаго толкованія этого мѣста. По ихъ объясненію, слова: *Господь созда Мя начало путей своихъ въ дѣла своя* относятся къ вочеловѣченію упостасной Премудрости, имѣющему совершиться по исполненіи временъ. «Соломонъ пророчествовалъ о томъ Господнемъ *человѣкѣ*, который имѣлъ быть созданъ въ благодѣяніе всему міру и отъ лица Его сказалъ сіе: *Господь созда Мя*» (Твор. св. Аѳанасія алекс. ч. IV, стр. 513). «Словомъ *созда* не Себя Онъ (Сынъ Божій) называетъ тварью, но свое человѣчество, которому и свойственно быть созданнымъ» (ч. II, стр. 325). «*Господь созда Мя* равносильно выраженію: Отецъ тѣло совершилъ Ми есть (Евр. 10, 5); *въ дѣла*—указываетъ на домостроительство нашего спасенія». «Хотя благодать домостроительства нашего спасенія явилась (Тит. 2, 11) съ пришествіемъ Слова во плоти, однако пріуготовляема была прежде, нежели мы получили бытіе, лучше же сказать прежде сложенія міра (1 Петр. 1, 20). Предположивъ создать человѣка, Господь предвидя паденіе его, предуготовилъ и домостроительство нашего спасенія въ собственномъ Словѣ своемъ» (Ib. ч. II, стр. 368). Также и св. Вас. В. на слова: *созда Мя* говоритъ: «необходимо разумѣть сіе мѣсто о человѣчествѣ Его» и далѣе: «слово *созда* надобно относить къ принявшему на Себя зракъ раба» (Твор. св. Вас. В. ч III, стр. 173—174. М. 1857 г.). Но дальнѣйшія слова этого мѣста кн. Притчей прямо говорятъ о домірномъ, предвѣчномъ *рожденіи* упостасной Премудрости отъ Отца (ст. 24, 25 и далѣе). Объясненіе этого мѣста кн. Притчей находится у св Аѳанасія главнымъ образомъ во *2-мъ словѣ его на аріанъ*, т. II его твореній М 1852 г. съ 322—365 стр., у св. Василія В. въ III-й части его твореній стр. 173—174. изд. 1857 г., у Григорія Богослова также въ III части стр. 79—80 изд. 1844 г., у Григорія Нисскаго въ IV т. его твореній съ стр. 135-й.

свидѣтельству писанія это Порожденіе рождено отъ Отца прежде всѣхъ тварей" (1). Въ этомъ смыслѣ св. Іустинъ и называетъ Слово Божіе „перворожденнымъ изъ всѣхъ тварей", „первороднымъ Бога, сущимъ прежде всѣхъ тварей", „Сыномъ Божіимъ, рожденнымъ прежде всѣхъ твореній" и под. (2). На вѣчность Слова, по Іустину, указываетъ и то, что Богъ Отецъ имѣлъ Его совѣтникомъ до сотворенія міра, какъ разумную ѵпостасную Силу. — Признавая Слово совѣчнымъ Богу, онъ называетъ Его „силой неотлучной и неотдѣлимой отъ Отца, подобно солнечному свѣту на землѣ, который неотдѣлимъ отъ солнца, находящагося на небѣ" (3), или „*вѣчнымъ* священникомъ": „Богъ Слово есть сущій прежде всего, вѣчный священникъ Бога, Царь и Христосъ" (4).—Вѣчное существованіе Слова, родившагося отъ Отца, апологетъ основываетъ на той мысли, что Слово постоянно пребывало во Отцѣ, что Оно неотдѣлимо отъ Него, какъ свѣтъ отъ солнца (5) и что Отецъ никогда не былъ безъ Слова (6), а Отецъ есть вѣчное существо, слѣдовательно и Его Слово, происходящее отъ Него, также вѣчно. Мысль о существованіи Слова во Отцѣ, а отсюда о единствѣ ихъ существа проводится у Іустина во многихъ мѣстахъ его сочиненій и съ особенною силою и ясностью. Но еще съ большею ясностью, насколько это возможно, св. Іустинъ старается изобразить различіе лицъ въ Божествѣ и доказать индивидуальное, лич-

---

(1) Разг. гл. 129 (стр. 362).

(2) Разгов. 84 гл (стр. 286); 96 гл. (307 стр.) 100 гл. (стр. 312—313); 125 гл. (стр. 356), 138 гл. (стр. 374) и др.

(3) Разгов гл. 128 (стр. 361).

(4) Разгов. гл. 96 (стр. 307).

(5) Разгов. 128 гл.

(6) Подобную же мысль раскрывалъ впослѣдствіи и св. Аѳанасій: «какъ Слово (*λογος*), Сынъ находится въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ къ Отцу, составляя съ Нимъ единое, нераздѣльное Божество. Безъ Него Отецъ былъ бы *ἄλογος* и *ἄσοφος*»

ное бытіе Слова. Изъ той степени силы и энергіи, съ какою св. Іустинъ старается доказать различіе лицъ въ Божествѣ и отдѣльное бытіе Сына, при существованіи во Отцѣ, видно, что онъ имѣлъ въ виду какія либо неправильныя ученія, отрицающія личное бытіе Слова и допускающія только номинальное различіе лицъ въ Божествѣ (1). Такъ въ первой своей Апологіи, доказывая, что христіане не нарушаютъ общественнаго спокойствія и что всѣ злодѣи, если бы знали, что отъ Бога нельзя скрыться, старались бы вести себя хорошо. онъ говоритъ императорамъ, что они, предпочитая обычаи истинѣ, не будутъ имѣть успѣха, „какъ это объявляетъ само Слово, которое *послѣ Бога Отца* есть державнѣйшій и правосуднѣйшій изъ всѣхъ Правитель“ и т. д. (2). Словами: „*послѣ Бога Отца*“ св. Іустинъ показываетъ, что Слово отлично отъ Отца. Въ слѣдующей за тѣмъ главѣ онъ опять говоритъ, что „мы поставляемъ Его (Слово) *на второмъ мѣстѣ*, а Духа пророческаго на третьемъ (3). Въ своемъ „Разговорѣ съ Трифономъ іудеемъ“ св. Іустинъ, доказывая іудею, что одинъ изъ ангеловъ, явившихся Аврааму подъ дубомъ Мамврійскимъ, былъ Сынъ Божій, говоритъ: „обращаясь къ писаніямъ, я постараюсь убѣдить васъ, что Тотъ, который въ Писаніи представляется являвшимся Аврааму, Іакову и Моисею и называется Богомъ, есть *иной, нежели Богъ, Творецъ всего*, иной, разумѣю по числу, а не по волѣ“ (4). Такое же различіе между Отцемъ и Сыномъ Его онъ показываетъ и въ другихъ мѣстахъ, напр. „Сила, которую пророческое слово называетъ

---

(1) А онъ, какъ извѣстно изъ исторіи церковной литтературы, и имѣлъ ихъ въ виду. Такъ напр. современные ему гностики учили о Логосѣ, какъ о безличномъ эонѣ; или же онъ могъ имѣть въ виду пантеистическое платоновское ученіе о Сынѣ Божіемъ.

(2) 1 Апол. 12 гл. (стр. 47).

(3) 1 Апологг. 13 гл. (стр. 49).

(4) Разгов. гл. 56 (стр. 235).

Богомъ....., не только по имени считается *другою*, но и по числу есть *нѣчто иное*"; „Рожденное есть по числу другое отъ Рождающаго" и т. д. (1).—Но утверждая съ такою выразительностью и силою ипостасное различіе между Богомъ Отцемъ и Его Словомъ и тѣмъ какъ бы давая поводъ мыслить Слово существомъ неравнымъ Отцу, св. Іустинъ не унижаетъ тѣмъ достоинства Сына; его выраженія: „другое нѣчто", „иной Богъ" и под. относятся не къ существу Слова и апологетъ признаетъ Слово единосущнымъ Отцу, такъ какъ Оно произошло изъ существа Отца, хотя онъ нигдѣ не прилагаетъ къ Нему этого термина, употребленнаго впослѣдствіи (на I вселенск. соб. 325 г.) въ приложеніи къ Сыну Божію. Въ другихъ мѣстахъ своихъ сочиненій онъ доказываетъ, что это Слово Божіе, имѣя личное бытіе, есть истинный Богъ, равный Отцу: „такъ называемые демоны, говоритъ онъ въ своей 1 Апологіи, о томъ только и стараются, чтобы отвести людей отъ Бога Творца и Его первороднаго Христа *Бога* (2); „у Отца всего есть Сынъ, *Который*, будучи первородное Слово Божіе, *есть также Богъ*" (3). Въ своемъ „Разговорѣ съ Трифономъ" св. Іустинъ, укоряя іудеевъ, хулившихъ Сына Божія, говоритъ: „если бы вы поняли пророческія слова, то не отвергали бы того, что Онъ (Христосъ, Слово Божіе) *есть Богъ*, Сынъ Единаго Нерожденнаго и Неизреченнаго Бога" (4); „Христосъ есть Богъ, сущій прежде вѣкъ... Онъ, *будучи Богомъ*, отъ начала существовалъ, какъ Сынъ Творца всего" (5). „Онъ называется Богомъ *и есть и будетъ Богъ* (6). Иногда

---

(1) Разг. 129 гл. (стр. 362) и др.

(2) 1 Апол. 58 гл. (стр. 98).

(3) 1 Апол. 63 гл. (стр. 105).

(4) Разг. 126 гл. (стр. 357).

(5) Разг. гл. 48 (стр. 220).

(6) Разг. гл. 58 (стр. 242). Ср. также Разг. 115 гл. стр. 236.

св. Іустинъ называетъ Слово Божіе „Богомъ по существу“ или „по естеству“ напр. „Выше подробно мною доказано, говоритъ онъ Трифону, что Христосъ, Который есть Господь и *по естеству Богъ*, Сынъ Божій, силою Своею явившійся и т. д. (1). Что св. Іустинъ приписываетъ Слову личное бытіе, отдѣльное отъ Отца, это видно изъ того, что онъ называетъ Его державнѣйшимъ (2), правосуднѣйшимъ (3), всемогущимъ, творцомъ и т. под. именами, необходимо предполагающими въ Немъ личность. На личное бытіе Слова указываетъ и то, что, по Іустину, Богъ имѣлъ Его совѣтникомъ при сотвореніи міра: „къ Нему Богъ обращался съ словами: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію.... а также съ словами: вотъ Адамъ сталъ какъ одинъ изъ Насъ, чтобы знать доброе и злое. Словами: *„какъ одинъ изъ Насъ“* Онъ указалъ на число лицъ, соприсущихъ другъ другу и по крайней мѣрѣ двухъ“ (4). Такимъ образомъ Слово, по Іустину, есть Единородный Сынъ Божій, истинный Богъ, равный Своему Отцу, слава Его и разумная сила, имѣющая самостоятельное личное бытіе отъ вѣка.

Касаясь отношенія Бога-Слова къ міру, св. Іустинъ называетъ Его *Началомъ* т. е. основаніемъ всякаго бытія, и приписываетъ Ему сотвореніе міра: „Богъ Словомъ своимъ помыслилъ и сотворилъ міръ“ (5). Богъ-Слово является Началомъ, по Іустину, въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, Онъ есть идея или мысль Отца (λόγος Θεᾶ), образъ или лучше первообразъ, по которому сотворены вещи и во-вторыхъ, какъ дѣйствующая разумная и, слѣдовательно, личная Сила. Такъ, говоря, что демоны подражали библейскимъ

(1) Разг. 128 гл. (стр. 360).
(2) 1 Апол. 12 гл.
(3) Ibid.
(4) Разгов. 62 гл. (стр. 248).
(5) 1 Апологг. 64 гл. (стр. 105).

сказаніямъ, стараясь и въ язычествѣ устроить нѣчто подобное тому, что составляло священнодѣйствіе и обряды у евреевъ (1) и что было открыто имъ чрезъ Моисея, онъ указываетъ, что демоны назвали Аѳину или Минерву дочерью Зевса не отъ совокупленія, но какъ первую его *мысль*, подобно тому, какъ Слово было мыслью (λόγος) Бога, Творца міра (2). — Пребывая со Отцемъ отъ вѣка, какъ Его разумная ѵпостасная Сила (3) „Δύναμις“, Богъ-Слово явился при твореніи какъ „ἐνεργεία“ Отца. Все твореніе міра принадлежитъ собственно Ему; Онъ создалъ міръ невидимый т. е. ангеловъ (4) и видимый т. е. всю вселенную, человѣка (5) и всѣхъ животныхъ: „всѣ животныя были созданы въ началѣ Словомъ Божіимъ“ (6); ангеловъ и человѣковъ Онъ одарилъ разумомъ и свободною волею (7). — Но все сотворилъ Онъ по волѣ Бога Отца, или говоря иначе, Богъ чрезъ Него, свое Ѵпостасное Слово, сотворилъ міръ (8) и чрезъ Него устроилъ все (9). Поэтому Іустинъ называетъ часто творцомъ и Бога Отца (10), но преимущественно это

---

(1) 1 Апол. гл. 62 (стр. 102).

(2) «*Καὶ τὴν Ἀθηνᾶν δὲ ὁμοίως πονηρευόμενοι, θυγατέρα τὸ Διὸς ἔφασαν, οὐκ ἀπὸ μίξεως, ἀλλ' ἐπειδὴ ἐννοηθέντα τὸν Θεὸν διὰ Λόγου τὸν κόσμον ποιῆσαι ἔγνωσαν, ὡς τὴν πρώτην ἔννοιαν ἔφασαν τὴν Ἀθηνᾶν*». Sancti Justini philosophi et martyris, Apolog. I, cap. LXIV (pag. 152). Edit. *A. Gallandii*, presbyteri congregationis Oratorii. Tom. I.

(3) 1 Апол. 32 гл. (70 стр.): «эта Сила и Сынъ есть Слово Божіе» и т. д.

(4) «Онъ сотворилъ ангеловъ» Разг. 102 гл. (315 стр.).

(5) Ibid.

(6) Разг. 84 гл. (стр. 287).

(7) 1 Апол. 28 гл. (стр. 66), 43 гл. (81 стр.), 2 Апол 7 гл. (122 стр.), Разг. 102 гл. (315 стр.) 141 гл. (378 стр.).

(8) 1 Апол. 59 гл. (стр. 99).

(9) 2 Апол. 6 гл. (стр. 120).

(10) 1 Апол. 58 гл. (стр. 98); Разг. 48 (220 стр.), 67 гл. (стр. 258 и др.

названіе Онъ усвояетъ Сыну, какъ разумной, упо стасной силѣ Божіей.

Сотворенный человѣкъ скоро палъ, преступивъ данную ему заповѣдь Божію (1), чрезъ что навлекъ на себя и на все свое потомство, которое онъ заразилъ своимъ грѣхомъ, проклятіе Божіе. Господь Богъ предвидѣлъ это отъ вѣка, почему еще отъ вѣка предопредѣлилъ и спасти человѣка (2). Для этого требовалось, чтобы на помощь падшему явился самъ Богъ и искупилъ его; и вотъ все дѣло домостроительства принимаетъ на Себя, по волѣ Бога Отца, Богъ-Слово, Единородный Сынъ Божій: „Богъ и Отецъ всего, говоритъ св. Іустинъ, искони хотѣлъ, чтобы Онъ (т. е. Его Сынъ) родился и отъ чрева человѣческаго“ (3); „чтобы исполнить домостроительство по волѣ Отца своего, Творца всего, Господа и Бога, Сынъ Божій принялъ на Себя сдѣлаться человѣкомъ и т. д. (4). Съ этого времени, т. е. послѣ паденія человѣка и начинается все дѣло домостроительства нашего спасенія.

Раскрытіе этого ученія у св. Іустина показываетъ намъ, какой свѣтлый, ясный, широкій и многообъемлющій взглядъ имѣлъ этотъ христіанскій философъ на тайну домостроительства Божія, вполнѣ объясняющую отношеніе Бога-Слова къ міру въ іудействѣ, язычествѣ и наконецъ въ христіанствѣ. Вся исторія человѣчества, по Іустину, служила приготовленіемъ и какъ бы введеніемъ къ такому величайшему міровому событію, какимъ является христіанство. Домостроительство спасенія принадлежитъ Слову, которое и приготовляло къ своему пришествію во плоти все человѣчество, не только іудейскій народъ, но и всѣхъ язычниковъ, хотя послѣднихъ не

(1) Разг. 124 гл. (354 стр.).

(2) Разг. 63 гл. (стр. 250).

(3) Разг. 63 гл. (стр. 250).

(4) Разг. 67 гл. (258 стр.) 127 гл (359 стр.).

такъ, какъ первыхъ. Все человѣчество, по взгляду Іустина, составляетъ великое цѣлое, различныя части котораго приведены къ единству Христомъ. составляющимъ его душу и центръ. Христосъ царствуетъ не только въ христіанствѣ, но Онъ царствовалъ и въ язычествѣ. Онъ царствовалъ надъ человѣчествомъ какъ Слово, просвѣщающее всякаго человѣка, грядущаго въ міръ; Онъ царствовалъ надъ нимъ, насколько первоначальное откровеніе, развитое потомъ чрезъ Моисея, изливало чрезъ рядъ вѣковъ свой свѣтъ, хотя ослаблявшійся среди языческихъ націй; Онъ царствуетъ наконецъ надъ нимъ во всемъ своемъ блескѣ съ тѣхъ поръ, какъ истина открылась во всей своей полнотѣ и подъ формой самой доступной для человѣка. Онъ есть вчера, днесь, той же и во вѣки, по словамъ апостола.

Въ дѣлѣ домостроительства Сынъ Божій, Слово является посредникомъ между Богомъ и людьми, открывающимъ и возвѣщающимъ волю Отца людямъ, почему и называется, въ своемъ отношеніи къ міру, Вѣстникомъ, Ангеломъ, Божественнымъ посланникомъ, Апостоломъ, Свѣтомъ, отъ Бога посланнымъ людямъ, Служителемъ Божіимъ, служащимъ волѣ Отца и т. п. „Называется Онъ, говоритъ апологетъ о Словѣ. и Ангеломъ и Апостоломъ, ибо Онъ возвѣщаетъ все, что должно знать и посылается для открытія того, что возвѣщается“ (1). „Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ видѣли Того, Который по волѣ Божіей есть и Богъ Сынъ Его и вмѣстѣ Ангелъ Его, по служенію волѣ Его“ (2). „Тотъ, Который являлся патріархамъ и названъ Богомъ, называется также Ангеломъ и Господомъ, чтобы изъ этого вы поняли, говоритъ Іустинъ іудеямъ, что Онъ служитъ Отцу всего и т. д. (3).

(1) 1 Апол. 63 гл. (103 стр.).

(2) Разг. 127 гл. (359 стр.).

(3) Разг. 58 гл. (240—241 стр.). Объ этомъ см. также: Разг. 60 гл. (245 стр.), 61 гл. (246 стр.); 126 гл. (358 стр.); 17 гл. (171 стр.); 1 Апол. 63 гл. (104 стр.).

Богъ Слово не тотчасъ по паденіи человѣка явился для его спасенія, а по исполненіи временъ, „въ послѣдніе дни“. До этого времени Онъ приготовлялъ человѣчество „къ Своему пришествію во плоти“. Это время приготовленія называется „Ветхимъ Завѣтомъ“ (1), тогда какъ время съ явленія на землѣ Слова Божія—„Новымъ Завѣтомъ“ (2). Приготовленіе состояло въ томъ, что Онъ сообщалъ людямъ высокія истины религіи и давалъ обѣтованія, являясь къ нимъ подъ различными образами: „иногда въ видѣ огня, иногда въ видѣ безплотныхъ, а иногда въ человѣческомъ образѣ“ (3). Такъ Онъ являлся Адаму въ раю и бесѣдовалъ съ нимъ, являлся и всѣмъ патріархамъ (4): Лоту, Аврааму (5), Исааку и Іакову (6), являлся Моисею въ пылающемъ огнѣ (7) и бесѣдовалъ съ нимъ изъ куста (8) и др.,—вообще всѣ богоявленія, бывшія въ ветхомъ завѣтѣ, св. Іустинъ относитъ къ Слову Божію.

Приготовляя народъ іудейскій къ своему пришествію во плоти для искупленія и возсозданія человѣчества, Богъ Слово далъ этому народу законъ, который своею обрядовою стороною указывалъ на Его пришествіе во плоти, страданіе и крестную смерть. Такъ „агнецъ, котораго велѣно было изжарить всего, былъ символомъ страданія крестнаго, которымъ имѣлъ пострадать Христосъ“ (9).—Онъ вдохновлялъ ветхозавѣтныхъ пророковъ, открывая имъ будущее, пре-

---

(1) Разг. 67 гл. (стр. 259); 122 гл. (350 стр.).

(2) Разгов. 11 гл (стр. 160); 122 гл. (350 стр.).

(3) 1 Апол. 63 гл. (104 стр.).

(4) Разг. 58 гл. (240 стр.); 113 гл. (332 стр.).

(5) Разгов. 56 гл. (237 стр.).

(6) Разг. 126 гл. (358 стр.); 113 гл. (333 стр.); 125 гл. (356 стр.), 60 гл. (245 стр.), 58 гл. (241 стр.); 86 гл. (291 стр.).

(7) 1 Апол. 63 гл. (104 стр.).

(8) Разгов. 59 гл. (стр. 244).

(9) Разг. гл. 40 (стр. 208).

имущественно касательно своего пришествія во плоти, рожденія отъ Дѣвы, страданія, смерти, воскресенія и вознесенія (1). „Пророчествующіе, говоритъ Іустинъ, бываютъ вдохновенны не инымъ чѣмъ. какъ Словомъ Божіимъ“ (2) и „говорятъ отъ движущаго ихъ Слова Божія“ (3).—Таково отношеніе Слова къ міру въ іудействѣ.

Но дѣятельность Слова. по Іустину, не ограничивалась только Его откровеніями въ іудействѣ; она простиралась и на весь языческій міръ. „Всѣ люди, говоритъ онъ, участвуютъ въ Словѣ, сѣмя котораго насаждено въ ихъ душѣ“ (4). Это сѣмя, разсѣянное во всемъ мірѣ, освѣщало естественный разумъ настолько, насколько человѣкъ подчинялся ему. слушаясь болѣе его внушеній, нежели движенія страстей или голоса злыхъ демоновъ. Въ силу этого-то разума, освѣщеннаго Словомъ, древніе мудрецы и могли отъ времени до времени учить прекраснымъ истинамъ: „и послѣдователи стоическихъ ученій, говоритъ апологетъ, были прекрасны въ своей нравственной системѣ, такъ же, какъ и поэты въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, по причинѣ сѣмени Слова“ (5). „И все, что когда-либо сказано и открыто хорошаго философами и законодателями, все это сдѣлано ими соотвѣтственно мѣрѣ нахожденія ими и созерцанія Слова“. Всѣмъ хорошимъ, въ области умственной или нравственной, они обязаны созерцанію Слова или нѣкоторому познанію о Немъ. Такъ напр. Сократъ зналъ Христа „отчасти“ (6). Вотъ почему ученіе Платона несовершенно противоположно ученію Христа, точно такъ же,

---

(1) 1 Апол. 31 гл. (стр. 68).
(2) 1 Апол. 33 гл. (стр. 72).
(3) 1 Апол. 36 гл. (стр. 74).
(4) 2 Апол. 8 гл. (стр. 123).
(5) 2 Апол. 8 гл.
(6) 2 Апол. 10, (стр. 124—125)

какъ ученіе стоиковъ, поэтовъ и историковъ, ибо каждый изъ нихъ говорилъ истину по мѣрѣ своего участія въ Словѣ, сѣмя котораго разсѣяно во всемъ мірѣ (1). Поэтому, говоритъ св. Іустинъ, все доброе, находящееся въ ихъ ученіи, принадлежитъ христіанамъ. Даже болѣе, „всѣ тѣ, которые жили согласно съ Словомъ, суть христіане, хотя бы считались (со стороны язычниковъ) за безбожниковъ (2). Таковыми апологетъ считаетъ Сократа, Гераклита и имъ подобныхъ греческихъ философовъ (3). Противорѣчіе, какое находится въ ученіи разныхъ философовъ, и смѣшеніе истины съ ложью св. Іустинъ объясняетъ тѣмъ, что философы познали Слово только отчасти, что они не владѣли тѣмъ возвышеннымъ знаніемъ, какое составляетъ удѣлъ христіанъ. „Не зная всѣхъ свойствъ Слова, Которое есть Христосъ, они часто говорили противное самимъ себѣ“ (4); они владѣли не всѣмъ Словомъ, а только сѣменемъ Его; и хотя это сѣмя, насажденное въ каждомъ человѣкѣ, и давало имъ возможность созерцать истину, но это созерцаніе было смутно и неясно, потому что иное дѣло владѣть только сѣменемъ Слова, а иное самимъ Словомъ, самой истиной. „Всѣ писатели, говоритъ св. Іустинъ, посредствомъ врожденнаго сѣмени Слова, могли видѣть истину, но темно. Ибо иное дѣло сѣмя и нѣкоторое подобіе чего-либо, данное по мѣрѣ пріемлемости, а иное дѣло то самое, чего причастіе и подобіе даровано по Его благодати“ (5).

Но такая дѣятельность Слова въ мірѣ языческомъ встрѣчала себѣ сильное противодѣйствіе со стороны злыхъ демоновъ, которые старались пода-

---

(1) 1 Апол. 44 гл. (стр. 83).

(2) 1 Апол. 46 гл. (стр. 85).

(3) 1 Апол. 46 гл. (стр, 85), а также 2 Апол. 13 гл. (129 стр.).

(4) 2 Апол. 10 гл. (стр. 124—125).

(5) 2 Апол. 13 гл. (стр. 129).

вить въ людяхъ сѣмена Слова Божія; особенно они вооружались противъ тѣхъ изъ языческихъ философовъ, которые сами стараясь „жить по Слову Божію“ и удаляться отъ зла, убѣждали къ тому же и другихъ, напр. противъ Сократа, который и былъ осужденъ на смерть тѣми изъ людей, живущихъ во злѣ, которые находились подъ вліяніемъ злыхъ демоновъ и служили ихъ орудіемъ (1), также противъ Гераклита, Мусонія и др. (2).

Такое ученіе св. Іустина объ участіи язычниковъ въ Словѣ и названіе имъ нѣкоторыхъ язычниковъ христіанами объясняется тѣмъ взглядомъ, какой онъ имѣлъ на христіанство. Этотъ взглядъ св. Іустина философа особенно отличается своею широтою и возвышенностью. Онъ обнимаетъ всю исторію человѣчества... Вѣчный Разумъ, по Іустину, отражающійся въ каждой разумной душѣ, засвидѣтельствованный человѣческому роду въ первобытномъ откровеніи, есть тотъ же самый, который, явившись подъ видимою формою, открытъ и намъ въ послѣднія времена. Христіанство, въ полномъ смыслѣ этого слова, началось не съ воплощенія только Слова, а начало существовать съ началомъ міра. Прежде появленія во всемъ своемъ блескѣ, оно разсѣевало чрезъ всѣ вѣка нѣкоторые свои лучи, какъ чрезъ первобытное откровеніе, такъ и чрезъ естественный разумъ; и какъ заря заимствуетъ свой блескъ отъ солнца, появленію котораго она предшествуетъ, такъ и свѣтъ, распространяемый въ древнемъ мірѣ, указывалъ на появленіе того великаго дня, въ который явился Христосъ, свѣтъ истинный, и освѣтилъ всю вселенную. Итакъ если вѣрно то, что всякій свѣтъ исходитъ отъ Слова, солнца истины, Которое освѣщало человѣческій разумъ прежде своего воплощенія, то христіанство или откровеніе Христа, можетъ, по выраженію св. Іустина, указывать, какъ

(1) 1 Апол. 5 гл. (стр. 42).

(2) 2 Апол. 8 гл. (стр. 122—123).

на свои, на всѣ ученія и проблески истины, разсѣянныя среди древняго міра (1). И тѣ изъ язычниковъ, которые старались заимствовать нѣчто отъ этого свѣта или слѣдовать внушеніямъ разума, а не страстей,—такіе „участвовали въ Словѣ“ или имѣли причастіе во Христѣ. Но древній міръ—іудейскій и языческій владѣлъ неполнымъ знаніемъ истины, которая открылась и для мудрецовъ, и для простыхъ людей, со времени воплощенія Слова, прежде открывавшаго себя только отчасти. О тайнѣ воплощенія Іустинъ говоритъ очень часто и раскрываетъ ее въ слѣдующемъ видѣ.

По исполненіи временъ Ипостасное Слово Божіе, Единородный Сынъ Божій, по волѣ своего Отца (2), самъ сошелъ на землю „для (нравственнаго) измѣненія и возстановленія рода человѣческаго“ (3), „для того, чтобы чрезъ такое домостроительство побѣдить коварствовавшаго изъ начала змія и уподобившихся ему ангеловъ, чтобы смерть была попрана и во время втораго Его пришествія совершенно потеряла всякую силу надъ вѣрующими“ (4), родился безъ смѣшенія (5), безъ грѣха (6), отъ св. Дѣвы изъ рода Авраамова (7), будучи зачатъ отъ Духа Божія: „сила Божія, нашедши на Дѣву, осѣнила ее и сдѣлала то, что она зачала, будучи дѣвою“ (8). Объ этомъ чудномъ собы-

---

(1) Въ томъ же смыслѣ говоритъ и *бл. Августинъ*: «то самое, что теперь называютъ христіанской религіей, существовало и у древнихъ и никогда не переставало существовать съ самаго начала человѣческаго рода и до того времени, когда само Слово явилось во плоти и когда истинную религію, существовавшую прежде, стали называть христіанской» (Retract. I, 1. сар. 13).

(2) Разг. 95 гл. (306 стр.).

(3) 1 Апол. 23 гл. (61 стр.).

(4) Разг. 45 гл. (215 стр.).

(5) Разгов. 54 гл. (230 стр.) 1 Апол. 21 гл. (стр. 58).

(6) Разг. 23 (181 стр.).

(7) Ibid. и 43 гл. (211 стр.).

(8) 1 Апол. 33 гл. (71 стр.).

тіи предсказано было еще издревле (1). Воплотившись отъ Дѣвы, Богъ-Слово сдѣлался истиннымъ человѣкомъ, „подобострастнымъ намъ“ (2), имѣющимъ истинную плоть и кровь (3). но не преставалъ въ тоже время быть и истиннымъ Богомъ. „Явившійся насъ ради Христосъ, говоритъ св. Іустинъ, по всему былъ Слово, т. е. по тѣлу и по душѣ“ (4); этими словами апологетъ выражаетъ свое ясное представленіе о соединеніи въ одномъ лицѣ Іисуса Христа двухъ естествъ—божескаго и человѣческаго и притомъ такъ, что то и другое естество было цѣлымъ и полнымъ. Пребывая Словомъ, Христосъ имѣлъ тѣло и душу человѣческія.

Имя Родившемуся дано было „Іисусъ“ (5), какъ объ этомъ было предсказано ангеломъ св. Дѣвѣ Маріи (6). Это имя Богъ-Слово имѣлъ еще и прежде, въ Ветхомъ Завѣтѣ, но только Онъ „никому не открывалъ его прямо, ни Аврааму, ни Іакову, и Моисею было сказано объ этомъ прикровенно“.

Затѣмъ въ своихъ Апологіяхъ и преимущественно въ „Разговорѣ съ Трифономъ“ Іустинъ представляетъ съ большею или меньшею подробностію почти всѣ черты изъ жизни воплотившагося Бога-Слова, заимствованныя имъ изъ евангелій: какъ къ Нему, родившемуся отъ Дѣвы, пришли волхвы „изъ Аравіи“ (7), какъ Онъ возрасталъ „общимъ для всѣхъ людей образомъ“ (8), живя съ Іосифомъ, незнаемый никѣмъ (9), какъ Онъ, будучи 30 лѣтъ, крестился отъ

(1) 1 Апол. 32—34 гл. (стр. 69—73).
(2) 2 Апол. 10 гл. (стр. 125).
(3) 1 Апол. 66 гл. (стр. 107).
(4) 2 Апол. 10 гл. (124 стр.).
(5) 1 Апол. 5 гл. (42 стр.).
(6) 1 Апол. 33 гл. (72 стр.).
(7) Разг. 77 гл. (275 стр.), 78 (стр. 276), 106 гл. (стр. 323).
(8) Разг. 88 гл. (295 стр.).
(9) 1 Апол. 35 гл. (73 стр.).

Іоанна на Іорданѣ (1); „когда Іисусъ сошелъ въ воду, говоритъ св. Іустинъ, то огнь возгорѣлся на Іорданѣ“ (2). При крещеніи сошелъ на Іисуса Духъ Св., въ видѣ голубя; но Онъ не сообщилъ Іисусу Христу какихъ-нибудь новыхъ силъ или даровъ, ибо какъ только Христосъ родился, Онъ уже имѣлъ Свою силу (3) и „не нуждался собственно въ дарахъ Св. Духа“ (4). Духъ Св. только открылъ Его людямъ и дары Его *почили на Христѣ*, т. е. пришли къ концу въ Немъ (5); пророки, на которыхъ Духъ Св. ниспосылалъ свои дары, не должны были уже, какъ прежде, въ ветхомъ завѣтѣ, являться и Христосъ возвѣстилъ заключеніе ветхаго завѣта (6). Такъ объясняетъ св. Іустинъ нисшествіе Св. Духа на Іисуса Христа при крещеніи. Въ своемъ „Разговорѣ“ онъ упоминаетъ объ искушеніи Іисуса Христа діаволомъ послѣ крещенія и о пораженіи искусителя (7).

Во время своего общественнаго служенія, воплотившійся Богъ-Слово творилъ чудеса (8), непрестанно училъ своихъ учениковъ или апостоловъ и простой народъ (9) о Богѣ, Отцѣ правды (10), „открыто возвѣстилъ великія намѣренія Отца“ (11), Его волю (12) и т. д.; встрѣтивъ на землѣ много ложныхъ ученій,

---

(1) Разг. 49 гл. (222 стр.); 51 гл (226 стр.).

(2) Разг. 88 гл. (295 стр.). Эту мысль, по словамъ свящ Преображенскаго, Іустинъ заимствовалъ изъ нѣкоторыхъ апокрифическихъ сочиненій своего времени.

(3) Разг. 88 гл.

(4) Разг. 87 гл. (293 стр.).

(5) Разг. 87—88 гл. (стр. 292—297).

(6) Разг. 88 гл.

(7) Разг. 125 гл. (стр. 356).

(8) 1 Апол 22 гл. (60 стр.). Разг. 69 гл. (264 стр.).

(9) 1 Апол. 23 гл. (61 стр.).

(10) 1 Апол. 6 гл. (42 стр.).

(11) Разг. 76 гл. (273 стр.).

(12) Разг. 56 гл. (233 стр.).

возникшихъ по вліянію злыхъ демоновъ и принимаемыхъ за истину, Онъ показалъ, что не всѣ мнѣнія и не всѣ ученія хороши, но однѣ худы, а другія хороши (1). Ученіе Его отличалось особенной силой, „ибо слово Его была сила Божія" (2); оно составляло полное откровеніе и давало совершенное вѣдѣніе, потому что исходило отъ самой воплотившейся Истины; въ лицѣ Іисуса Христа явилась въ міръ сама Истина; тогда какъ въ ветхомъ завѣтѣ Слово сообщало людямъ вѣдѣніе не полное и не такъ ясное.

По вліянію злыхъ демоновъ воплотившійся Богъ-Слово былъ преданъ на смерть безумными іудеями (3), которые „противорѣчили Ему и ругались надъ Нимъ" (4), мучили Его, „такъ что Онъ сильно страдалъ, чувствуя все происходившее съ Нимъ" (5). Страдалъ Онъ по волѣ своего Отца (6), ибо страданія Его служили средствомъ къ тому, чтобы искупить людей, погруженныхъ въ тягчайшіе грѣхи, доставить всѣмъ спасеніе и открыть доступъ къ Отцу (7). Страдалъ Онъ и умеръ при Понтіѣ Пилатѣ (8). Въ третій день Онъ воскресъ (9), являлся своимъ ученикамъ, давая имъ наставленія, касательно устроенія церкви и совершенія таинствъ, и наконецъ вознесся со славою на небеса, какъ объ этомъ было предсказано еще въ

---

(1) 2 Апол. 9 гл. (124 стр.).

(2) 1 Апол. 14 гл. (50 стр.).

(3) 1 Апол. 63 гл. (стр. 104).

(4) 1 Апол. 35 гл. (стр. 74). 38 гл. (стр. 76).

(5) Разг. 103 гл. (319 стр.).

(6) Разг. 41 гл. (стр. 209).

(7) Разг. 86 гл. (292 стр.); 91 гл. (300 стр.).

(8) Разг. 53 гл. (229 стр.); 67 гл. (258 стр.); 76 гл. (273 стр.); 91 гл. (301 стр.); 96 гл. (307 стр.). 1 Апол. 21 гл. (58 стр.); 22 гл. (60 стр.); 32 гл. (70 стр.); 13 гл. (49 стр.); 46 гл. (85 стр.); 50 гл. (88 стр.).

(9) 1 Апол. 21 гл. (58 стр.); 50 гл. (89 стр.); Разг. 107 гл. (323 стр.).

ветхомъ завѣтѣ, сѣлъ одесную Отца и получилъ царство и власть (1). При концѣ міра Онъ явится со славою, въ качествѣ Судіи всей вселенной и будетъ судить всѣхъ вообще людей, начиная съ Адама (2). „Если столь велико могущество Его, говоритъ апологетъ, которымъ сопровождалось и сопровождается домостроительство Его страданія, то каково оно будетъ во время славнаго пришествія Его? Пріидетъ Онъ, какъ Сынъ человѣческій, на облакахъ, въ сопровожденіи св. ангеловъ и т. д.“ (3).

Таково ученіе св. Іустина о Богѣ-Словѣ и Его отношеніи къ Богу Отцу и къ міру: въ іудействѣ, язычествѣ и христіанствѣ.

Противъ ученія св. Іустина о Словѣ существуютъ разныя возраженія со стороны раціоналистовъ, доказывающихъ заимствованіе этого ученія у Филона александрійскаго. Прежде рѣшенія этихъ возраженій, мы постараемся указать на тѣ источники, *откуда заимствовалъ св. Іустинъ свое ученіе о Словѣ*, т. е. сначала дадимъ положительный отвѣтъ на поставленный сейчасъ вопросъ.

Изъ исторіи обращенія Іустина въ христіанство намъ извѣстно, что апологетъ, пройдя всѣ философскія школы и не найдя нигдѣ удовлетворенія своему стремленію—познать истину, обратился, по указанію одного старца, къ св. писанію и изучалъ его прилежно, углубляясь въ тайны божественнаго откровенія. Оттуда-то, т. е. изъ священнаго писанія ветхаго и новаго завѣта, онъ и почерпнулъ свое ученіе о Богѣ Словѣ. Объ этомъ онъ и самъ нѣсколько разъ

---

(1) 1 Апол. 41 гл. (79 стр.); 42 гл. (80 стр.); 67 гл. (109 стр.). Разгов. 17 гл. (170 стр.); 32 гл. (194 стр.), 74 гл. (270 стр.), 85 гл. (288 стр.), 126 гл. (357 стр.).

(2) Разгов. 132 гл. (336 стр.); 14 гл. (167 стр.), 49 гл. (222 стр.), 118 гл. (340 стр.) 120 гл. (344 стр.), 121 гл. (348 стр.), 126 гл. (357 стр.). 1 Апол. 8 гл. (44 стр.), 50 гл. (88 стр.) 52 гл. (90 стр.) и мн. др.

(3) Разг. 31 гл. (191 стр.).

прямо говоритъ: „это намъ извѣстно изъ памятныхъ записей апостоловъ (*Ἀπομνημονεύματα τῶν Ἀποστόλων*)", какъ онъ называетъ евангелія (1). и это же видно изъ всѣхъ его твореній, гдѣ онъ цитуетъ какъ ветхій, такъ и новый завѣтъ.

Ученіе о Словѣ у св. Іустина не отличается по сущности отъ ученія св. Іоанна Богослова о Словѣ, а ученіе послѣдняго. открытое ему Духомъ Св. (2), есть подробнѣйшее и болѣе точное раскрытіе ветхозавѣтнаго ученія объ Ипостасной Премудрости Божіей.

Неформулированный ясно, догматъ о Богѣ-Словѣ былъ предначертанъ въ ветхомъ завѣтѣ въ своихъ главныхъ и существенныхъ чертахъ. Уже изображеніе Божества Мессіи пророками прикровенно указывало на различіе лицъ въ Богѣ и отношеніе втораго лица св. Троицы къ первому и третьему; а собственно идея о Словѣ или Ипостасной Премудрости раскрывается преимущественно въ учительныхъ книгахъ ветхаго завѣта. Такъ въ книгѣ Іова Премудрость является, какъ существенная принадлежность Бога; человѣкъ можетъ участвовать въ Ней въ той мѣрѣ, какая ему свойственна, и тогда, когда Богу угодно будетъ сообщить ему ее. Эта Премудрость не находится на землѣ; Она существуетъ только въ Богѣ,— въ Немъ Ея мѣсто. Одинъ Богъ Ее знаетъ, потому что Она въ Немъ (3). Созерцая Ее, Онъ сотворилъ міръ, и удивительный порядокъ, царствующій во вселенной, есть проявленіе этой Премудрости, сокрытой

---

(1) Разг. 105 гл. (320 стр.). Ср. также 1 Апол. 66 гл., Разг. 39 гл., 85, 100, 101, 102, 106, 107 и мн. др.

(2) Въ Апокалипсисѣ, написанномъ много раньше Евангелія, Іоаннъ говоритъ, что ему открыто было имя Сѣдящаго на бѣломъ конѣ Сына Божія: *и нарицается имя Его: Слово Божіе* (*Ὁ Λόγος τοῦ Θεοῦ*. Апок. 19, 13).

(3) Въ новомъ завѣтѣ эта Ипостасная Премудрость сама засвидѣтельствовала о Себѣ, говоря: *никтоже знаетъ Сына, токмо Отецъ, ни Отца кто знаетъ, токмо Сынъ* (Мѳ. 11, 27).

въ Немъ. Человѣкъ въ Ней участвуетъ, когда удаляется отъ зла, чтобы бояться Господа и исполнять Его повелѣнія (Іов. 28, 12 — 28). Богодухновенный писатель различаетъ здѣсь Премудрость несотворенную, какъ Божественную Ипостась, и премудрость, какъ свойство Божіе.

Въ книгѣ Притчей (8 гл. 22—32 ст.) ученіе объ Ипостасной Премудрости выражено яснѣе, нежели въ книгѣ Іова; идея личности и различія Ея отъ Бога выступаетъ здѣсь гораздо отчетливѣе.—Премудрость рождена Богомъ отъ вѣчности: когда еще не существовали бездны, когда еще не было источниковъ, обильныхъ водой, когда не было горъ и холмовъ, словомъ— прежде всякихъ созданій, искони, отъ вѣка; пребывая вмѣстѣ съ Нимъ, Она имѣетъ и собственное свое существованіе, свое личное, индивидуальное бытіе; Она дѣйствуетъ, Она все совершаетъ сама собою, художнически устрояя все; Она радуетъ Того, Кто Ее родилъ... Ею Онъ все сотворилъ, Она — Его вѣчный совѣтникъ и правило для Его всемогущей дѣятельности.

Объ Ипостасной Премудрости говорится также и въ неканоническихъ книгахъ ветхаго завѣта: въ книгѣ Премудрости Соломона (гл. 7, 21—30) и въ книгѣ Премудрости Іисуса сына Сирахова (24 гл. 3—12). По первой. „Премудрость, художница всего, есть духъ разумный, святый, единородный... благолюбивый, благодѣтельный, человѣколюбивый, непоколебимый... всевидящій и проникающій всѣ умные, чистые, тончайшіе духи; Она есть дыханіе силы Божіей и чистое изліяніе славы Вседержителя, посему ничто осквернённое не войдетъ въ Нее; Она есть отблескъ вѣчнаго свѣта и чистое зеркало дѣйствія Божія и образъ благости Его; Она одна, но можетъ все и, пребывая въ самой себѣ, все обновляетъ, и переходя изъ рода въ родъ въ святыя души, приготовляетъ друзей Божіихъ и пророковъ; Она прекраснѣе солнца и превосходнѣе сонма звѣздъ; въ сравненіи со свѣ-

томъ Она выше". — По книгѣ Іисуса сына Сирахова, Премудрость вышла изъ устъ Всевышняго и, какъ облако, покрыла землю; по повелѣнію Произведшаго Ее, Она поселилась въ Іаковѣ и приняла наслѣдіе въ Израилѣ. „Прежде вѣка, отъ начала Онъ произвелъ меня, говоритъ о себѣ Премудрость, и я нескончаюсь во вѣки. Я служила предъ Нимъ во святой скиніи и такъ утвердилась въ Сіонѣ. Онъ далъ мнѣ также покой въ возлюбленномъ городѣ и въ Іерусалимѣ власть моя" (1).

Но съ особенной ясностію и полнотою ученіе о Словѣ изображается въ Новомъ Завѣтѣ и главнымъ образомъ въ евангеліи отъ Іоанна.

Возвышеннѣйшій изъ учениковъ Христа, вдохновленный Духомъ Святымъ, св. апостолъ Іоаннъ Богословъ въ началѣ своего евангелія пишетъ: *въ началѣ бѣ Слово и Слово бѣ къ Богу и Богъ бѣ Слово* и т. д. (1 гл. 1—14 ст.). Здѣсь евангелистъ излагаетъ высокое ученіе о Словѣ и Его отношеніи къ Богу Отцу и къ міру.

Въ началѣ бѣ Слово—этимъ евангелистъ указываетъ на предвѣчное существованіе Слова, на Его бытіе прежде всякаго времени; *и Слово бѣ къ Богу* (*πρὸς τὸν θεόν*)—выраженіе отношенія Слова къ Отцу: Слово, существуя отъ вѣка, было въ лонѣ Отца, въ единеніи съ Нимъ; но въ тоже время Оно имѣло и самостоятельное, личное бытіе; Оно было *у Бога*—*πρὸς τὸν θεόν*, чѣмъ указывается на внутреннѣйшее общеніе Слова съ Богомъ Отцемъ и раздѣльное, личное Его бытіе, а не *παρὰ τῷ θεῷ*, что указывало бы болѣе на внѣшнее положеніе Слова *близъ* или *около* Бога, и не *ἐν τῷ θεῷ*, что не раздѣляло бы Слова отъ Отца. По своему существу Слово равно Богу Отцу, есть истинный Богъ: *и Слово было Богъ*.— Свое бытіе Слово имѣетъ отъ Бога Отца, отъ котораго Оно родилось; Богъ-Слово есть Единородный

(1) Ср. также Сир. 1 гл. 1—10 ст.

Сынъ Божій, единый и единственный, сущій отъ вѣчности въ нѣдрѣ Отца. Для обозначенія отношенія между Родившимъ и Рожденнымъ, евангелистъ употребляетъ термины: *Отецъ, Слово и Сынъ.* — Говоря объ отношеніи Слова къ міру, евангелистъ прежде всего показываетъ, что Оно составляетъ истинную творческую причину всего существующаго: *вся Тѣмъ* (*δἰ Αὐτοῦ*) *быша и безъ Него ничтоже бысть, еже бысть* (ст. 3). Въ Сынѣ дѣйствовалъ самъ Богъ Отецъ; творческая дѣятельность Сына есть вмѣстѣ дѣятельность и Отца, который все сотворилъ чрезъ (*διά*) Сына.—По отношенію ко всему человѣчеству, не только къ христіанамъ, но и къ іудеямъ и даже къ язычникамъ, это Слово было *свѣтомъ истиннымъ*, просвѣщавшимъ всѣхъ, кто только не отвращался отъ этого свѣта. Только въ общеніи съ Нимъ люди получали истинное вѣдѣніе и истинную жизнь; Слово всегда было источникомъ духовнаго просвѣщенія и духовной жизни. Міръ былъ погруженъ во тьму язычества, но среди этой-то тьмы, въ народѣ избранномъ, свѣтился истинный свѣтъ, такъ что тьма, какъ ни густа была, не могла его затмить. Онъ освѣщалъ не только евреевъ, но и язычниковъ, повидимому предоставленныхъ самимъ себѣ, однако не вовсе лишенныхъ невидимаго искупительнаго дѣйствія свѣта; Онъ освѣщалъ всякаго, кто не утратилъ еще способность къ воспріятію этого свѣта. — Когда исполнилось время, то послѣдовало полное откровеніе Бога чрезъ свое Слово; это Слово *плотъ бысть* и жило съ людьми какъ человѣкъ, въ которомъ однако сіяла слава, свойственная Единородному Сыну Божію, и который былъ преисполненъ благодатными дарами Духа Святаго настолько, что отъ полноты Его и мы приняли благодать возблагодать, т. е. полную благодать въ ея многоразличныхъ проявленіяхъ и видахъ.

Ученіе о воплотившемся Словѣ или Христѣ находится и у другихъ апостоловъ; такъ апостолъ Павелъ говоритъ о Божествѣ Христа (Римл. 9 гл. 5 ст.,

Тит. 2 гл., 13 ст. 3 гл. 4 ст.; Филип. 11, 6; Колос. 2, 9 ст. и др.), Его личномъ бытіи до воплощенія и о сотвореніи Имъ міра (Колос. 1 гл. 15—17; Евр. 1, 2—3), Его предвѣчномъ рожденіи (Евр. 1, 1—5 и др.) и наконецъ о Его воплощеніи (Гал. 4, 4; Фил. 2, 7 ст. и др.). Такимъ образомъ ученіе о Словѣ является въ св. писаніи формулированнымъ съ совершенной точностію и законченнымъ во всѣхъ своихъ частяхъ.

Тѣже самыя мысли раскрываетъ и св. Іустинъ; въ своихъ сочиненіяхъ, какъ мы видѣли, онъ воспроизводитъ не только въ сущности ученіе Іоанна Богослова, но даже болѣе: часто онъ употребляетъ тѣже формы и выраженія, какія мы видимъ и у евангелиста. А такъ какъ онъ самъ объявляетъ, что онъ заимствовалъ свое ученіе изъ евангелій, то ученіе св. евангелиста Іоанна Богослова и должно быть главнымъ источникомъ его ученія о Словѣ. Но св. Іустинъ старается не только вѣрно передать ученіе евангелиста, но онъ подробно раскрываетъ его, защищаетъ отъ всякаго ложнаго истолкованія и старается сдѣлать его понятнымъ чрезъ сравненія, столь же точныя, какъ и возможныя. Къ откровеннымъ истинамъ онъ старается отнестись научнымъ образомъ и объяснить ихъ философски. „Христіанская философія, по словамъ Фреппеля, принимаетъ у Іустина свой первый полетъ, чтобы возвыситься къ разумному пониманію догмата, не отступая притомъ отъ преданія, какъ своей основы и образца“ (1).

Ученіе его объ участіи язычниковъ въ Словѣ также составляетъ болѣе подробное раскрытіе словъ св. ап. Павла и словъ евангелиста Іоанна Богослова. Въ своемъ посланіи къ Римлянамъ ап. Павелъ возвышаетъ естественный разумъ человѣка, утверждая, что онъ владѣетъ собственной внутренней силой, дѣ-

(1) Les apologistes chretiens au II siecle. Tom. I. Saint Justin. Par l'abbé *Freppel*. Paris. 1860 an. Lect. 17.

лающей его способнымъ возвышаться до познанія Бога, почему язычники безотвѣтны. „Что̀ можно знать о Богѣ, говоритъ апостолъ, явно для нихъ (язычниковъ). Ибо невидимое Его, вѣчная сила Его и Божество, отъ созданія міра чрезъ разсматриваніе твореній видимы, такъ что они безотвѣтны“ (I, 19—20) (1). Эту естественную возможность, которую апостолъ находитъ у разума въ области теоретической, онъ приписываетъ ему и въ области нравственной: „когда язычники, не имѣющіе закона, по природѣ законное дѣлаютъ, то, не имѣя закона, они сами себѣ законъ; они показываютъ, что дѣло закона у нихъ написано въ сердцахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ совѣсть ихъ, и мысли ихъ, то обвиняющія, то оправдывающія одна другую (2, 14—15)“.

Начало, положенное ап. Павломъ, получаетъ новое разъясненіе и дополненіе въ словахъ ап. Іоанна Богослова. Первый разсматриваетъ разумъ въ самомъ себѣ, въ его собственной внутренней силѣ, а послѣдній изображаетъ его въ его отношеніи къ Богу; одинъ опредѣляетъ то, на что способна человѣческая природа, а другой то, что̀ дѣлаетъ человѣка разумнымъ. Но разумнымъ дѣлаетъ человѣка извѣстное участіе его въ Божественномъ Разумѣ или Словѣ. Слово есть свѣтъ, просвѣщающій всякаго человѣка, грядущаго въ міръ, Оно есть свѣточъ человѣческаго разума, источникъ не только просвѣщенія, но и религіозно-нравственной жизни, Оно есть φῶς и ζωή. „Какъ въ видимомъ мірѣ, говоритъ Фреппель, глазъ человѣка оставался бы погруженнымъ во тьму, если бы физическій свѣтъ не освѣщалъ его, такъ и человѣческій разумъ былъ бы неспособенъ замѣчать какую-либо истину изъ міра невидимаго, если бы Слово не освѣщало его своими лучами“ (2).

---

(1) Такія же мысли находятся и въ книгѣ *Премудрости Соломона* (см. гл. 13 и др.).

(2) Freppel, указ. соч., Lect. 16.

Между тѣмъ раціоналисты усиливаются искать источниковъ ученія св. Іустина о Словѣ внѣ св. писанія ветхаго и новаго завѣта. Такъ напр. Бауръ, Мюншеръ, Губеръ, Вагиро, Грунеръ, Пристлей, Люи-Шуази и мн. др. утверждаютъ, что Іустинъ заимствовалъ свое ученіе у Филона александрійскаго.

Не вдаваясь въ подробныя изслѣдованія этого вопроса, что повело бы насъ слишкомъ далеко, мы покажемъ только, что ученіе св. Іустина о Словѣ вполнѣ отличается отъ ученія Филона о Логосѣ и что поименованные раціоналисты, какъ и многіе другіе, основываютъ свое мнѣніе, составляющее вообще слѣдствіе ихъ воззрѣнія на христіанство, на чисто внѣшнихъ аналогіяхъ.

У Филона дѣйствительно мы находимъ ученіе о Логосѣ и встрѣчаемъ даже тѣже выраженія, какъ и у св. Іустина, но съ этими выраженіями онъ соединяетъ совсѣмъ другой смыслъ, нежели какой соединяетъ съ ними св. Іустинъ. „Въ исторіи, какъ и въ философіи, скажемъ словами Жюль Симона, нѣтъ ничего противнѣе интересамъ истины, какъ на основаніи внѣшнихъ аналогій отожествлять противоположныя начала“ (1). Нужно узнать сначала, въ какомъ смыслѣ тотъ и другой употребляютъ одинаковыя слова, а потомъ уже и судить о сходствѣ или несходствѣ ихъ ученій.

Независимо отъ того, что нельзя открыть никакихъ слѣдовъ историческаго преемства этихъ ученій, духъ и характеръ ученія св. Іустина совершенно противоположенъ системѣ Филона. — Апологетъ имѣетъ дѣло съ дѣйствительной исторіей, тогда какъ Филонъ вращается въ области метафизическихъ отвлеченныхъ понятій. Система послѣдняго представляетъ какое-то странное смѣшеніе разнородныхъ элементовъ, именно платоновскихъ идей съ ветхозавѣт-

(1) *M. Jules Simon*—Histoire de l'école d'Alexandrie, I, p. 341.

нымъ откровеннымъ ученіемъ. Филонъ насильственно примиряетъ теоретическія представленія Платона съ откровеннымъ ученіемъ, объясняя послѣднее аллегорически, сообразно съ составленной имъ системой, и жертвуя имъ въ пользу своей философіи. Отсюда выраженія, взятыя имъ изъ св. писанія, у него имѣютъ совершенно другой смыслъ и ихъ никакъ нельзя понимать буквально.

Чтобы показать различіе между Филономъ и св. Іустиномъ, разберемъ логически самое понятіе „Слова“ у св. Іустина и *Λογος*'а у Филона.—Въ понятіе „Слова“ у Іустина входятъ слѣдующіе главные признаки: „*Божество*“, „*личность*“, „*вѣчное рожденіе*“ и „*воплощеніе*“. Посмотримъ теперь, что такое Логосъ у Филона александрійскаго.

Уже самый первый и главный признакъ понятія „Слова“ не входитъ у Филона въ его понятіе „*Λόγος*'а“. Логосъ у Филона не есть Богъ. Филонъ признаетъ одного Бога, существо „болѣе возвышенное, чѣмъ само единство и поставленное выше всѣхъ категорій мысли“. Если бы мы захотѣли узнать Его, то могли бы узнать развѣ только то, что Его знать нельзя, потому что существо, совершенно отличное отъ всего видимаго, не можетъ быть уподоблено ни чему здѣшнему, напр. добру, красотѣ, правдѣ, истинѣ. Существо Его превышаетъ всякія качества, всякія опредѣленія, всякія представленія. Отъ вѣчности этотъ Богъ измышляетъ вселенную или міръ идей, посредствомъ которыхъ Онъ и отпечатлѣвается въ совѣчной Ему матеріи. Этотъ міръ идей, эта вся совокупность ихъ, составляетъ мысли Божіи, міръ божественной жизни, и называется у Филона *Логосомъ*. Олицетворяя, какъ восточный житель, эти идеи или ихъ совокупность, онъ называетъ ихъ сыномъ Божіимъ или старшимъ сыномъ Бога, а міръ чувственный, видимый, какъ ихъ произведеніе, младшимъ, юнѣйшимъ сыномъ Бога. Идеямъ онъ приписываетъ такія свойства, которыя какъ будто указываютъ на

личность его Логоса; такъ онъ называетъ его начальникомъ, вождемъ силъ, пастыремъ и т. п., но не смотря на все это, онъ „ни на мгновеніе не возвышаетъ его надъ ледяной и зыбкой областью отвлеченности"; его Логосъ никогда не получаетъ личнаго бытія, а всегда остается идеею.

Матерію Филонъ мыслитъ совѣчной Богу и противоположной Ему, какъ элементъ разности, неустройства и страдательности. Прямаго общенія между ними не можетъ быть. Поэтому Филонъ предполагаетъ между Богомъ и матеріею посредствующее существо, которое могло бы служить орудіемъ для творенія міра. Этимъ посредствующимъ существомъ и являются божественныя мысли о мірѣ, Его идеи или *Λόγος*. Логосъ входитъ въ общеніе съ совѣчной Богу матеріей и устрояетъ ее, приводитъ ее въ порядокъ, дѣлая ее космосомъ и отражаясь въ ней. Итакъ, изъ понятія о матеріи, какъ противоположной Богу, какъ такой, съ которой самъ Богъ никакъ не можетъ имѣть общенія и съ которой однакоже Логосъ имѣетъ общеніе, ясно, что Логосъ Филона не есть Богъ, что онъ ниже Его. — Не будучи Богомъ, Логосъ Филона *не есть и личность*, какъ *идея* или *мысль* Божества (1).

Наконецъ, что особенно открываетъ бездну между Логосомъ Филона и Словомъ Іустина — это *отрицаніе Филономъ воплощенія Бога-Слова*. Съ точки зрѣнія Филона воплощеніе не нужно для человѣка и невозможно для Бога. Зло является естественнымъ и неизбѣжнымъ для человѣка, какъ продуктъ его природы; оно заключается въ самой матеріи.—Мессія не нуженъ человѣчеству; Ему нечего спасать и возстановлять. Человѣку стоитъ только ясно и отчетливо представить свое состояніе, познать вѣчный порядокъ вещей, предаться аскетизму для умерщвленія

(1) Ученіе Филона о Логосѣ—см въ декабрьской книжкѣ Правосл. Соб 1881 г. въ статьѣ *Д. В. Гусева*: «Ученіе о Богѣ и доказательства бытія Божія въ системѣ Филона».

своей плоти и—онъ спасенъ. Каждый такимъ образомъ можетъ спастись самъ собой, не нуждаясь въ Искупителѣ.—Съ другой стороны, матерія представляется Филону такой несовершенной и нечистой, что Богъ не можетъ даже и прикоснуться къ ней. Даже самая мысль о явленіи Бога во плоти и дѣйствительномъ соединеніи божественной природы съ человѣческой казалась Филону абсурдомъ и являлась полнымъ противорѣчіемъ его системѣ. Пришествіе Мессіи, какъ Бога, съ его точки зрѣнія немыслимо. Если онъ и говоритъ о Мессіи, то говоритъ какъ о земномъ царѣ, который, ставъ во главѣ своего войска на войнѣ, утвердитъ свое владычество надъ великими и многочисленными народами,—придавая такимъ образомъ этому великому дѣлу совершенно другой характеръ и притомъ чисто мѣстный, національный. Между тѣмъ св. Іустинъ учитъ о воплощеніи Бога-Слова, основываясь на словахъ Евангелія: *и Слово плоть бысть* и т. д., и придаетъ дѣлу явленія Сына Божія во плоти, какъ мы уже видѣли, міровое значеніе.

Такимъ образомъ, ученіе Филона вовсе несходно съ ученіемъ св. Іустина и говорить о заимствованіи св. Іустина у Филона — значитъ отожествлять двѣ вещи совершенно противоположныя. „Мы не находимъ въ человѣческой мысли, говоритъ Прессансе, болѣе рѣзкихъ противорѣчій, чѣмъ тѣ, какія существуютъ между ученіемъ евангельскимъ и ученіемъ Филона. Ученіе Филона все основано на отрицаніи нравственнаго зла, тогда какъ точкой отправленія для Евангелія служитъ глубокое, горькое чувство грѣха.... Филонъ отрицаетъ необходимость искупленія и утверждаетъ невозможность единенія Божества съ человѣческой природой, тогда какъ воплощеніе Слова составляетъ основаніе проповѣди Іоанна. Одинъ видитъ въ Словѣ только обобщеніе божественныхъ идей, другой покланяется Ему, какъ Единородному Сыну Божію. и что для евангелиста составляетъ ос-

новную истину, то для Филона было бы страшнѣйшимъ богохульствомъ" (1).

Кромѣ возраженій противъ всей системы св. Іустина, заимствованной будто бы у Филона, существуютъ еще частныя возраженія противъ тѣхъ или другихъ пунктовъ ученія о Словѣ, возраженія, основанныя на нѣкоторыхъ неточныхъ и несовсѣмъ опредѣленныхъ выраженіяхъ, встрѣчающихся у Іустина.— Такъ напр. раціоналисты Землеръ, Леффлеръ, Бауръ и др. утверждаютъ, что Іустинъ признавалъ Слово неравнымъ Отцу, что его ученіе есть ученіе впослѣдствіи яснѣе развитое аріанами; это мнѣніе они основываютъ на тѣхъ выраженіяхъ апологета, которыя онъ употребляетъ въ приложеніи къ Слову, называя его напр. первой *по Отцѣ* силой (2), или *инымъ* Богомъ (3), или Богомъ, котораго христіане ставятъ *на второмъ* мѣстѣ (4), а также ангеломъ, служителемъ, посланнымъ отъ Отца, подчиненнымъ Отцу и т. под. (5).

Но эти и подобныя выраженія, употребляемыя апологетомъ, вовсе не указываютъ на его ученіе о неравенствѣ Сына съ Отцемъ. Это равенство необходимо предположить въ системѣ Іустина, если бы оно даже и не было выражено, ибо Слово, по Іустину, должно было открывать Бога міру, являть Его человѣчеству, чего другое существо не можетъ сдѣлать. Но апологетъ, какъ мы видѣли, признавалъ Слово истиннымъ Богомъ, равнымъ Отцу, что онъ самъ ясно выражалъ. Словами же: *иной* Богъ, *другой* и т. п. онъ хотѣлъ показать ипостасное различіе Слова отъ

---

(1) Іисусъ Христосъ и Его время. *Э. Прессансе.* Спб. 1869 г. стр 84.

(2) 1 Апол. 32 гл.

(3) Разг. 56 гл.

(4) 1 Апол. 13 гл.

(5) Разг. 58 гл., 60 гл., 61 гл., 126 гл., 127 гл. 128 гл., и др.

Отца, показать, что Слово не есть безличная сила или свойство Отца, но имѣетъ личное бытіе. Притомъ же, ставя Сына на второмъ мѣстѣ и называя Его инымъ Богомъ, онъ поясняетъ, что это „по числу, а не по волѣ“. — Употребляемыя имъ выраженія о Словѣ, какъ ангелѣ, служителѣ, посланникѣ Отца и др. являются съ одной стороны слѣдствіемъ его взгляда на Слово, какъ на лице, принявшее на себя все дѣло домостроительства; съ другой стороны, названія: ангелъ, служитель, рабъ и под. употребляются и въ св. писаніи, въ приложеніи къ лицу Мессіи, напр. у пр. Малахіи (3, 1 ст.), у пр. Исаіи (53, 2 ст. и др.) у ап. Павла (Филип. 2, 7 ст.) и у другихъ св. писателей; а св. Іустинъ основательно изучилъ все св. писаніе, — откуда и заимствовалъ эти названія Мессіи или Слова.

Другія возраженія касаются ученія св. Іустина о предвѣчномъ рожденіи Слова отъ Отца. Такъ кальвинистъ Журье и многіе раціоналисты утверждаютъ, что по ученію Іустина, Слово существуетъ не отъ вѣка, а родилось во времени, что Его рожденіе было по волѣ Отца, слѣдовательно не есть необходимый актъ; Отецъ могъ и не родить Его. Тоже говоритъ и Люи-Шуази: „Логосъ, съ одной стороны, не пребывая въ Богѣ, а съ другой, будучи рожденъ актомъ божественной воли, очевидно не можетъ быть вѣчнымъ“ (1); или напр. читаемъ у Обѣ: „у Іустина нѣтъ вопроса о вѣчности Сына; у него показано только Его предсуществованіе; Онъ не подобенъ другимъ тварямъ, такъ какъ существовалъ до нихъ... Сказать, что Онъ былъ до сотворенія, не значитъ еще сказать, что Онъ совѣченъ Богу и идея рожденія заключаетъ въ себѣ только относительное предсуществованіе“ (2).

---

(1) Etude patristique sur le developpement du dogme de la trinité au II s'ècle, par *Louis Choisy*. Geneve. 1854 г. стр. 15.

(2) De l'apologetique chretienne au II siecle. Saint Justin, philosophe et martyr. Par. *B. Aubé*. Paris. 1861 an. p. 107.

Эти возраженія основываются на тѣхъ выраженіяхъ Іустина, гдѣ вмѣстѣ говорится и о рожденіи Слова и о сотвореніи Имъ міра, такъ что съ перваго взгляда можетъ показаться, что Слово только что родилось предъ сотвореніемъ и для сотворенія міра, и затѣмъ на выраженіи: Сынъ рожденъ волею Отца. Но подобныя выраженія вовсе не заключаютъ въ себѣ той мысли, что Сынъ не вѣченъ, что Онъ рожденъ только предъ сотвореніемъ міра; въ нихъ говорится вообще, что Слово рождено до сотворенія; а эта мысль раскрывается и дополняется другими мѣстами, гдѣ Іустинъ прямо говоритъ о вѣчности рожденія Слова. Такихъ мѣстъ весьма много въ сочиненіяхъ св. Іустина и нѣкоторыя изъ нихъ мы уже приводили выше. А выраженіемъ: „Сынъ рожденъ по волѣ Отца“ Іустинъ указываетъ на образъ рожденія; онъ хотѣлъ выяснить, что Сынъ рожденъ отъ Отца не чрезъ отсѣченіе или какой нибудь другой актъ, но чисто духовнымъ образомъ, дѣйствіемъ хотѣнія, могуществомъ и т. п.

Всѣ эти и подобныя возраженія основываются на своеобразномъ пониманіи нѣкоторыхъ выраженій и словъ св. Іустина. Дѣйствительно у него встрѣчаются иногда выраженія не совсѣмъ точныя. Но чтоже отсюда слѣдуетъ? Можно ли по отдѣльнымъ выраженіямъ и словамъ судить обо всемъ ученіи? Для того, чтобы вполнѣ узнать взгляды или воззрѣнія какого нибудь философа напр., нужно познакомиться со всѣмъ его ученіемъ и главное стать на его точку зрѣнія, а не брать только отдѣльныя, отрывочныя фразы или слова изъ его системы; послѣднія часто являются вполнѣ понятными намъ только тогда, когда мы ознакомимся со всей системой философа. Очень часто бываетъ, что выраженіе или слово, являющееся несовсѣмъ опредѣленнымъ и яснымъ въ одномъ мѣстѣ, получаетъ свое изъясненіе или пополненіе въ другомъ. — Съ другой стороны, мы необходимо должны обратить вниманіе на ту эпоху, когда жилъ св. Іу-

стинъ философъ. Это было время, когда человѣческій разумъ, такъ сказать, дѣлалъ еще первые шаги по пути изслѣдованія и уясненія себѣ великихъ тайнъ божественной жизни, и сочиненія Іустина представляютъ намъ еще первую попытку въ этомъ родѣ. Богословскій языкъ не былъ еще тогда настолько выработанъ и усовершенствованъ, чтобы съ точностію могъ выражать всѣ новыя понятія, данныя христіанствомъ и отличающіяся часто тонкими, едва уловимыми, оттѣнками. Онъ созидался, можно сказать, вѣками и вполнѣ опредѣлился и установился только въ „соборную эпоху“, когда церковь должна была раскрывать свое догматическое ученіе въ виду разныхъ ересей. Уже сочиненія послѣдующихъ апологетовъ представляютъ намъ нѣкоторое развитіе богословскаго языка и нѣкоторое различіе его въ сравненіи съ языкомъ Іустина.

II.

Своими сочиненіями св. Іустинъ положилъ начало христіанской апологетикѣ и—по выраженію Фреппеля (1)—„угладилъ путь для всѣхъ тѣхъ, которые пошли послѣ него на поприще апологетической дѣятельности“. Послѣдующіе апологеты II вѣка шли уже намѣченнымъ путемъ и нерѣдко повторяли мысли и даже выраженія перваго апологета; поэтому въ ихъ произведеніяхъ находится не мало сходныхъ чертъ въ ученіи о Словѣ съ ученіемъ Іустина. Но при сходствѣ, зависящемъ также и отъ однородности задачъ литературной дѣятельности и одинаковости раскрываемаго ученія, мы замѣчаемъ также и различіе. Различіе это касается какъ ихъ взгляда на христіанство и его от-

(1) Les apologistes chretiens au II siecle. Cours d'eloquence sacrèe... Par *l'abbè Freppel*. T. II. Tatien, Hermias, Athenagore, Theophile d'Antioche et caet. 1860. Lect. 1.

ношеніе къ предыдущему развитію человѣчества, такъ и раскрытія отношеній Слова къ Богу Отцу. Они не имѣли такого широкаго взгляда на христіанство, какимъ отличался Іустинъ Философъ, но за то подробнѣе раскрыли (напр. Аѳинагоръ и св. Ѳеофилъ) ученіе объ отношеніи Слова къ Богу Отцу. о Его личномъ бытіи до сотворенія міра и проч., что у Іустина раскрыто не такъ подробно.

Ученіе Татіана о Словѣ мы почерпаемъ изъ дошедшаго до насъ его сочиненія „*Татіана рѣчь противъ Эллиновъ*“ (1). Оно не представляетъ той об-

---

(1) «*Τατιάνου πρὸς Ἕλληνας*» или «*Tatiani oratio adversus Graecos*», по издан. Галландія стр. 627—671.—О жизни Татіана намъ извѣстно главнымъ образомъ изъ указаннаго его сочиненія. *Татіанъ* родился въ Ассиріи (42 гл.) въ концѣ I или началѣ II в. по Р. Х. Съ раннихъ лѣтъ жизни онъ отличался своей любознательностью и изучалъ все, что входило тогда въ составъ греко-римскаго образованія; много путешествовалъ по Европѣ и Азіи, чрезъ что пріобрѣлъ многостороннія познанія. Онъ «ознакомился съ мистеріями и изслѣдовалъ различные виды (языческаго) богопочтенія» (гл. 29) Во время путешествія по многимъ странамъ онъ занимался, въ качествѣ софиста, многими философскими науками, изучалъ искусства и различныя изобрѣтенія и наконецъ, живя въ Римѣ, самъ видѣлъ различныя статуи боговъ, туда перенесенныя» (гл. 35). Языческая философія его неудовлетворила. «Я углубился въ самого себя, говоритъ Татіанъ, и изслѣдовалъ, какимъ образомъ я могу найти истину... Въ то время, какъ умъ мой разсматривалъ все лучшее, я напалъ на однѣ варварскія книги (св писаніе), которыя древнѣе эллинскихъ ученій и столь божественны, что не могутъ быть сравниваемы съ языческими заблужденіями. И я повѣрилъ этимъ книгамъ по простотѣ ихъ рѣчи, безыскуственности писателей, удобопонятности объясненія всего творенія, предвѣденію будущаго, превосходству правилъ и наконецъ по ученію объ единомъ Властителѣ надъ всѣмъ и проч. (гл. 29). Будучи просвѣщенъ познаніемъ ихъ, я рѣшился отвергнуть языческія заблужденія (гл. 30). Я распростился, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и съ римскимъ высокомѣріемъ и съ холоднымъ аѳинскимъ краснорѣчіемъ и съ различными ученіями и принялъ нашу варварскую философію» (т. е. христіанское ученіе) (гл. 35). Въ Римѣ онъ познакомился съ Іустиномъ и тамъ, вѣроятно, обратился и въ христіанство. Изъ сочиненій *Иринея Ліонскаго* (Adv. haeres. 1. 30), *Тертулліана* (De praescript. 52), *Епифанія* (Adv. haeres. 46), *бл. Іеронима* (Descriptor. eccles. 39, 47), *бл. Ѳеодорита* (Haereticae fab. 1,

широности и цѣльности, какую мы видѣли у Іустина. Изъ 42-хъ главъ своей апологіи Татіанъ только въ 4-хъ главахъ (5, 7, 13 и 21-й) говоритъ о Словѣ. Все его ученіе о Словѣ можно представить въ такомъ видѣ.

Слово было отъ вѣка, въ началѣ, прежде сотворенія міра, и Оно было съ Богомъ и въ Богѣ. „Богъ былъ въ началѣ... Господь всего, будучи основаніемъ всего, прежде сотворенія міра былъ одинъ; поелику же Онъ есть сила и основаніе видимаго и невидимаго, то вмѣстѣ съ Нимъ было все; съ Нимъ существовало, какъ разумная Сила и само Слово, бывшее въ Немъ“ (1). Бытіе свое Слово получило путемъ домірнаго рожденія, рожденія въ началѣ. Татіанъ говоритъ—„Слово, въ началѣ рожденное“ и т. д. или: „Слово, происшедшее отъ могущества Отца, не лишило Родителя Слова“ (2). Говоря объ образѣ рожденія Слова, Татіанъ хотѣлъ, насколько это было возможно, уяснить язычникамъ тайну рожденія Слова отъ Бога Отца, рожденія—не вслѣдствіе какой нибудь необходимости физической или какъ бы вещественной, а какъ свободнаго акта воли Бога, существа духовнаго, простаго. „Волею Его простаго существа произошло Слово“ (3). Родившись отъ Отца, Слово пребыло съ Нимъ и не

---

20) и др. видно, что Татіанъ посѣщалъ школу Іустина въ Римѣ и послѣ него былъ учителемъ въ ней. О своемъ учителѣ онъ выражается съ особеннымъ уваженіемъ: достойный великаго удивленія Іустинъ сказалъ и проч. (гл. 18). По смерти Іустина Татіанъ вскорѣ оставилъ Римъ и отправился на востокъ, въ Сирію, гдѣ, говорятъ, увлекся гностическими заблужденіями (Иринеи, Климентъ александрійскій, Ипполитъ и друг.). Умеръ онъ въ концѣ II вѣка Кромѣ своей апологіи онъ написалъ Διὰ τέσσαρων или сводъ 4-хъ евангелій и нѣкоторыя другія, недошедшія до насъ, сочиненія, перечень которыхъ находится у Евсевія и бл. Іеронима.

(1) Гл. 5, стр. 16—17 (по указанному переводу *свящ. П. Преображенскаго*).

(2) Ibid.

(3) Стр. 17.

отдѣлилось отъ Него, такъ что Родитель не лишился Слова. „Родилось же Оно чрезъ сообщеніе. а не чрезъ отсѣченіе. Ибо что отсѣчено, то отдѣляется отъ первоначала. А что произошло чрезъ сообщеніе и приняло свободное служеніе, то не уменьшаетъ того, отъ кого произошло". Для поясненія сего Татіанъ употребляетъ примѣры огня и слова. „Какъ отъ одного факела зажигается много огней и притомъ свѣтъ перваго факела не уменьшается отъ зажженія многихъ факеловъ, такъ и Слово, происшедшее отъ могущества Отца, не лишило Родителя Слова". „Вотъ и я говорю. а вы слушаете, но отъ передачи слова я бесѣдующій не лишаюсь слова" и т. д. (1).—Подобно Іустину. Татіанъ приписываетъ происхожденіе видимаго и невидимаго міра Слову, которое произошло отъ Бога Отца именно для сотворенія міра. „Слово, говоритъ онъ, произошло не напрасно; оно становится перворожденнымъ дѣломъ Отца. Оно, какъ мы знаемъ, есть начало міра". Міръ сотворенъ изъ матеріи не вѣчно существовавшей, а явившейся во времени, созданной самимъ же Словомъ. „Матерія не безначальна, какъ Богъ, и не имѣетъ власти равной съ Богомъ, какъ безначальная; но она получила начало и не отъ кого нибудь другаго произошла, а произведена единымъ Творцомъ всего". Здѣсь подъ Творцомъ можно разумѣть Бога вообще; но изъ выраженій, употребленныхъ Татіаномъ выше, видно, что подъ Творцомъ онъ разумѣетъ Слово: „Слово, въ началѣ рожденное, въ свою очередь произвело нашъ міръ, создавши само себѣ вещество" и т. д. (2). Какъ Отецъ родилъ Слово, такъ и Слово „по примѣру Отца, родившаго Его, сотворило человѣка во образъ безсмертія" (3); сотворило его „свободнымъ и не по естеству добрымъ, ибо

(1) Стр. 17.
(2) Гл. 5.
(3) Гл. 7, стр. 18.

это принадлежитъ одному Богу, а люди могутъ дѣлаться добрыми по свободному опредѣленію воли своей". „Прежде сотворенія человѣковъ Слово создало ангеловъ" также совершенно свободныхъ. Когда одинъ изъ ангеловъ, по своему первородству мудрѣйшій прочихъ, возсталъ противъ закона Божія, то могущество Слова отлучило отъ общенія съ собою какъ начальника безумія, такъ и послѣдователей его. — Кромѣ всемогущества, Татіанъ приписываетъ Слову абсолютное предвѣденіе всего будущаго и промыслительныя дѣйствія въ мірѣ. „Слово, по своему могуществу, имѣя въ себѣ предвидѣніе того, что имѣетъ произойти не по опредѣленію судьбы, но отъ свободнаго произволенія избирающихъ, предсказывало будущія событія, останавливало зло и похвалою поощряло тѣхъ, которые пребывали въ добрѣ" (1). Оно, какъ Божественный свѣтъ, просвѣщало обращающіяся къ Нему души и пребывало въ праведныхъ людяхъ (2). Здѣсь, очевидно, Татіанъ разумѣетъ народъ еврейскій и руководительство этимъ народомъ первосвященниковъ и пророковъ (3), научаемыхъ Словомъ, а никакъ не языческій міръ и не греческихъ философовъ, „владѣвшихъ, по Іустину, сѣменемъ Слова"; Татіанъ иначе смотрѣлъ на языческій міръ.

О воплощеніи Слова у Татіана нѣтъ подробнаго ученія, какое мы видѣли у Іустина. О немъ онъ говоритъ какъ бы мимоходомъ. Такъ въ началѣ той главы, гдѣ онъ трактуетъ о языческихъ богахъ, ихъ постыдной жизни на землѣ и т. д., онъ говоритъ: „мы не безумствуемъ еллины и не вздоръ говоримъ, когда проповѣдуемъ, что Богъ родился въ образѣ человѣка (4). Другаго мѣста о воплощеніи Слова въ его

---

(1) Гл. 7, стр. 19.

(2) Гл. 13, стр. 27—28.

(3) «Мы же чего не знаемъ, узнали чрезъ пророковъ» (гл. 20, стр. 37), получавшихъ откровеніе отъ Слова

(4) Гл. 21, стр. 37.

апологіи нѣтъ. О жизни, смерти и воскресеніи воплотившагося Слова апологетъ также нигдѣ ничего не говоритъ; только въ одномъ мѣстѣ, гдѣ онъ разсуждаетъ о душѣ, ея свойствахъ и о просвѣщеніи ея Словомъ и Духомъ Святымъ, онъ говоритъ о „страданіяхъ Бога“, подъ которымъ онъ, очевидно, разумѣетъ воплотившееся Слово: „и души, повинующіяся мудрости, привлекли къ себѣ родственнаго имъ Духа, а непокорныя и отвергнувшія Служителя (1), пострадавшаго Бога, показали себя болѣе богоборцами, нежели богочтителями“.

Таково ученіе Татіана о Словѣ. Какъ видно, онъ во многомъ повторялъ мысли своего учителя и даже бралъ его же примѣры для объясненія акта рожденія Слова (подобія огня и слова); но въ его ученіи есть и различіе; такъ у него встрѣчаются и новые термины; напр., изъясняя актъ рожденія, онъ говоритъ, что Слово родилось чрезъ *сообщеніе* (*γέγονε δὲ κατὰ μερισμὸν*), а не чрезъ отсѣченіе (*οὐ κατὰ ἀποκοπήν*) (2). По Іустину, Слово есть Іисусъ Христосъ, Сынъ Божій; у Татіана нѣтъ и термина „Сынъ“. Но о личномъ существованіи Слова со Отцемъ до творенія міра у Татіана сказано такъ неясно и онъ употребляетъ такія выраженія, что даетъ поводъ допустить ту мысль, будто Слово становится личностью только предъ актомъ творенія, для чего Оно и рождено, и что Богъ до творенія былъ одинъ (3). На это

---

(1) «*Καὶ τὸν διάκονον τοῦ πεπονθότος Θεοῦ παραιτούμενοι*» (Tatiani orat. adv. Graec. Edit. Gallandii, стр. 649), т. е. Духа Св., приготовлявшаго въ ветхомъ завѣтѣ путь грядущему Спасителю. Гл. 13, стр. 28.

(2) По изд. *Галландія*, стр. 641.

(3) Такъ многіе и понимаютъ Татіана. Напр. *Люи-Шуази* въ своемъ сочиненіи *Etude patristique sur le développement du dogme de la Trinité au II siècle* 1854, говоритъ, что «по Татіану, Слово дѣлается личностью только со времени сотворенія міра, когда Оно выступаетъ изъ разумнаго могущества Отца, по волѣ Отца» (стр. 23). Подобное

нужно замѣтить, что Татіанъ въ своей апологіи вооружается противъ языческаго политеизма и старается доказать, что христіане покланяются единому Богу; только утвердивши язычниковъ въ этой мысли, онъ уже говоритъ — и то не вполнѣ ясно — о существованіи со Отцемъ и Слова.

Нѣкоторые раціоналисты, напр. Бретчнейдеръ, Крюгъ и др. утверждаютъ, будто Татіанъ заимствовалъ свое ученіе изъ системы Платона. Но этого никакъ не могло быть уже по самому характеру отношенія Татіана къ языческой философіи. Онъ вооружается противъ всѣхъ греческихъ философовъ, считая ихъ ученіе безумнымъ и нелѣпымъ: „что хорошаго пріобрѣли вы отъ философствованія“? спрашиваетъ онъ эллиновъ и, разсматривая далѣе жизнь и ученіе ихъ философовъ, находитъ въ нихъ одно дурное. Неужели при этомъ онъ будетъ заимствовать что-либо у нихъ? Далѣе, мы видѣли, что Татіанъ доказываетъ сотвореніе матеріи, такъ что кажется идетъ совершенно въ разрѣзъ съ платоновскимъ ученіемъ, существеннымъ пунктомъ котораго было ученіе о вѣчности матеріи. По словамъ Фреппеля, „Татіанъ является болѣе враждебнымъ греческой философіи, чѣмъ благопріятствующимъ ей; его сочиненіе есть сильная реакція противъ нея и въ немъ нѣтъ никакой попытки къ сближенію или примиренію съ ней“.

Риттеръ обвиняетъ Татіана въ томъ, будто онъ отрицалъ единосущіе Слова съ Отцемъ.—Но изъ тѣхъ выраженій Татіана, какія онъ употребляетъ для объясненія тайны рожденія Слова отъ Отца, видно, что онъ признавалъ Слово равнымъ Отцу по своему существу. Въ ученіи Татіана дѣйствительно встрѣчается много недосказаннаго, неопредѣленнаго и не вполнѣ яснаго. Все это, особенно отдѣльно взятое, и составляетъ недостатокъ его системы и открываетъ путь къ очень невыгоднымъ перетолкованіямъ его словъ.

читаемъ и у Обэ въ его сочиненіи «De l'apologetique chrétienne au II siècle» стр. 287 и у др.

III.

Теперь перейдемъ къ третьему апологету 2-го вѣка, именно *Аѳинагору* (1), ученіе котораго о Словѣ представляется болѣе точнымъ и опредѣленнымъ, чѣмъ у Татіана, а въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего ученія Аѳинагоръ является даже точнѣе св. Іустина. Ученіе Аѳинагора о Словѣ находится въ его *Апологіи* или *прошеніи о христіанахъ* (2).

Аѳинагоръ преимущественно касается внутренней жизни Божества, раскрывая отношеніе Слова къ Отцу и мало касаясь Его отношенія къ міру.

Слово, по его ученію, есть Сынъ Божій. „И никому да не покажется смѣшнымъ, говоритъ онъ, что у Бога есть Сынъ; ибо мы представляемъ Бога Отца и Сына не такъ, какъ баснословятъ поэты“ (3). Отношеніе между Словомъ и Отцомъ Аѳинагоръ представляетъ опредѣленнѣе и яснѣе всѣхъ апологетовъ II вѣка; онъ говоритъ о единосущіи и нераздѣльности Слова со Отцемъ, и въ тоже время о Его личномъ бытіи и вѣчномъ рожденіи отъ Отца. „Отецъ и Сынъ, говоритъ онъ, суть одно (4). Слово Божіе, Сынъ Божій нераздѣленъ отъ Бога Отца.“ „Все подчинено Богу и Его Слову, какъ нераздѣльному отъ Него Сыну“ (5). Сынъ существуетъ во Отцѣ и Отецъ въ Сынѣ по един-

---

(1) Свѣдѣнія объ *Аѳинагорѣ* слишкомъ скудны. Извѣстно только, что онъ былъ родомъ изъ Аѳинъ и жилъ во 2-й половинѣ II вѣка. Когда онъ обратился въ христіанство — неизвѣстно. Кромѣ своей *апологіи*, поданной вѣроятно въ Аѳинахъ императору Марку Аврелію и сыну его Коммоду, во время ихъ путешествія въ Грецію, Аѳинагоръ писалъ не мало сочиненій, доставившихъ ему почетное названіе философа; но изъ нихъ до насъ дошли только два: его *апологія* и трактатъ *о воскресеніи мертвыхъ*.

(2) «*Legatio pro christianis*» или «*Πρέσβεια περὶ χριστιάνων*».

(3) Апол. гл. 10, стр. 79.

(4) Гл. 10, стр. 79.

(5) Гл. 18, стр. 91.

ству и силѣ духа и Сынъ Божій есть умъ и слово Отца (1). Въ 24 гл. своей апологіи, указывая на отношеніе лицъ св. Троицы, Аѳинагоръ также называетъ Сына умомъ, словомъ и мудростью Отца: „мы признаемъ, говоритъ онъ, Бога и Сына Его — Слово и Духа Святаго именно составляющихъ одно по силѣ своей, Отца Сына и Духа; ибо Сынъ есть умъ, слово, мудрость Отца“. О единосущіи Сына съ Отцемъ онъ говоритъ и еще въ одномъ мѣстѣ съ неменьшею ясностію: „кто не удивится, услышавъ, что называютъ безбожниками тѣхъ, которые исповѣдуютъ Бога Отца и Бога Сына и Духа Святаго и признаютъ единство въ силѣ (2) и различіе въ порядкѣ“?—Но существуя съ Богомъ и въ Богѣ, Слово имѣетъ личное бытіе и имѣло его отъ вѣка. О домірномъ, личномъ бытіи Слова у Аѳинагора сказано въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ о происхожденіи Слова отъ Отца. Слово, по его ученію, родилось отъ Отца, но родилось отъ вѣка, вѣчно существуя въ Отцѣ. Оно есть „первое рожденіе Отца, но не такъ, чтобы оно получило бытіе во времени, потому что Богъ, какъ умъ и вѣчно словесное (λογικός) существо, искони имѣлъ въ Себѣ Слово (λόγος) (3). Слово отъ вѣка существовало въ Отцѣ какъ *идея* (ἰδέα) и какъ *дѣйственная сила* (ἐνεργεία). Эту мысль, какъ мы видѣли, проводитъ и Іустинъ, и мы уже объясняли, что онъ разумѣетъ подъ этимъ. Тоже разумѣетъ здѣсь и Аѳинагоръ, какъ это видно изъ дальнѣйшихъ его словъ: „ибо по Нему и чрезъ Него все сотворено“, т. е. своимъ Словомъ Богъ помыслилъ и сотворилъ міръ, и такимъ образомъ, какъ идея, Слово существовало въ Богѣ до творенія, а какъ дѣйственная сила — въ твореніи; Оно является и первообразомъ, прототипомъ всѣхъ вещей, и нача-

---

(1) Гл. 10.

(2) «Точнѣе: *силу въ единствѣ* (ἐν τῇ ἑνώσει δύναμιν)». Стр. 80.

(3) Гл. 10, стр. 80.

ломъ ихъ реальнаго бытія. Богъ-Слово, говоритъ онъ дальше, „произошелъ отъ Отца для того, чтобы быть идеею и дѣйственною силою для всѣхъ матеріальныхъ вещей“ и тутъ же цитируетъ извѣстное мѣсто изъ книги Притчей: *Господь создалъ меня, какъ начало путей своихъ въ дѣла своя* (1). Изъ сказаннаго видно, что и Аѳинагоръ, подобно Іустину и Татіану, твореніе міра приписываетъ Слову; но онъ считаетъ творцомъ міра также и Бога Отца, „Который все сотворилъ Словомъ своимъ и все содержитъ Духомъ своимъ“ (2).—Объ отношеніи Слова къ сотворенному Имъ міру, о тайнѣ домостроительства Божія, о воплощеніи Слова, Его жизни, страданіи, смерти и воскресеніи Аѳинагоръ ничего не говоритъ, такъ какъ это не было цѣлью его апологіи; онъ хотѣлъ приблизить къ разумѣнію язычниковъ, насколько это было возможно, тайну внутренней жизни Божества, показать единство и различіе Божественныхъ ипостасей, познаніе чего, по его словамъ, составляетъ главную цѣль христіанъ: „мы стремимся, говоритъ онъ, къ тому одному, чтобы познать Бога и Его Слово, и какое единеніе Сына со Отцемъ, какое общеніе Отца съ Сыномъ, что такое Духъ, въ чемъ единство этихъ существъ и различіе соединенныхъ, Духа, Сына и Отца“ (3), и своей цѣли онъ вполнѣ достигъ, формулировавъ съ точностію и ясностію такое высокое христіанское ученіе. „Христіанская теорія божественной природы, по словамъ Обѣ, сдѣлала новый шагъ съ Аѳинагоромъ и опредѣлилась яснѣе.... Его ученіе о Словѣ составляетъ прогрессъ въ развитіи христіанской теоріи о божественной природѣ“ (3). Указывая на вышеприведен-

---

(1) Ср. выше *Разгов. съ Триф.* гл. 61, стр. 247.

(2) Гл 6, стр. 75; тоже говоритъ и выше: «наше ученіе признаетъ единаго Бога, Творца этой вселенной, который самъ не сотворенъ.... но все сотворилъ Словомъ своимъ». Гл. 4, стр. 72—73. Ср. также 10 гл. стр. 79 и 30 гл., стр. 115.

(3) См. указ. соч. *Обѣ* стр. 288—289.

ное нами мѣсто изъ 12 главы Апологіи Аѳинагора, Обѣ говоритъ: „такого изображенія отношеній трехъ божественныхъ лицъ, такого желанія опредѣлить эти отношенія съ точностью не встрѣчается ни у св. Іустина, ни у Татіана“ (1).

Противъ ученія Аѳинагора о Словѣ (2) также существуютъ возраженія со стороны раціоналистовъ. По словамъ Фреппеля: Вашро, Журье и др., обращая вниманіе на нѣкоторыя выраженія Аѳинагора, напр. „Слово существовало какъ идея и какъ дѣйственная сила“ и под., утверждаютъ, что Слово, по Аѳинагору, является личностью только въ періодъ творенія міра и что прежде оно существовало, какъ безличная идея Отца.—Но эти и подобныя выраженія, употребляемыя Аѳинагоромъ, вовсе не означаютъ того, что видятъ въ нихъ раціоналисты. Апологетъ не говоритъ тутъ о существѣ Слова, о Его личномъ или безличномъ (какъ думаютъ раціоналисты) существованіи; здѣсь вопросъ, какъ мы уже и видѣли это — о внѣшней дѣятельности Слова, какъ первообраза и какъ причины всего существующаго. Говоря, что рожденіе было не во времени, Аѳинагоръ не дѣлаетъ различія между бытіемъ Слова до сотворенія Имъ міра и послѣ творенія; изъ его ученія видно, что Слово пребывало такимъ же до творенія, какимъ Оно было и послѣ, т. е. вѣчно однимъ и тѣмъ же по своему существу.

Ученіе Аѳинагора о Словѣ вполнѣ безукоризненно съ православной точки зрѣнія и представляетъ такъ же, какъ и ученіе Іустина, попытку философствующаго ума какъ можно яснѣе представить тайну божественной жизни.

---

(1) Стр. 289.

(2) Возраженій противъ другихъ пунктовъ его ученія (напр. о Св. Духѣ) мы не будемъ касаться.

IV.

Такую попытку, уже замѣтную у св. Іустина и болѣе обнаруживаемую у Аѳинагора, мы видимъ и у *св. Ѳеофила антіохійскаго*, христіанскаго апологета конца II вѣка (1). По словамъ Люи-Шуази, Ѳеофилъ антіохійскій представляетъ резюме всѣхъ предшествовавшихъ ему системъ о Логосѣ и формулируетъ ихъ. Въ его системѣ можно вѣрно опредѣлить путь, пройденный догматомъ въ смыслѣ его спекулятивнаго развитія (2). Какъ мы сейчасъ увидимъ, св. Ѳеофилъ не говоритъ о воплощеніи Слова, Его чудесномъ рожденіи отъ св. Дѣвы, Его искупительной смерти, воскресеніи и вознесеніи; „всѣ свои усилія, по словамъ Обѣ, онъ посвящаетъ на точное опредѣленіе *богословскаго* догмата въ собственномъ смыслѣ этого слова, путемъ ли положительнаго ученія, или критикой противоположныхъ (философскихъ) доктринъ“ (3).

Ученіе св. Ѳеофила о Словѣ находится въ его книгахъ *къ Автолику о вѣрѣ христіанской* (4) и главнымъ образомъ во II книгѣ.

---

(1) Ѳеофилъ родился и воспитался въ язычествѣ и получилъ обширное ученое образованіе по тому времени. Познакомившись съ св. писаніемъ, онъ обратился въ христіанство и сталъ ревностно защищать христіанскую вѣру противъ языческихъ нападеній. За такую ревность онъ пріобрѣлъ большое уваженіе среди христіанъ, которые по смерти Эрота, пятаго епископа Антіохіи, единогласно избрали его на епископскую каѳедру. Будучи епископомъ, онъ особенно проявилъ свою дѣятельность въ борьбѣ противъ ересей, волновавшихъ тогда церковь По словамъ Евсевія, Ѳеофилъ писалъ книгу противъ Маркіона, трактатъ противъ ереси Гермогена и мн. др. сочиненія; а по Іерониму, онъ составилъ много экзегетическихъ сочиненій; самъ же апологетъ въ 28 и 30 гл. II кн. «къ Автолику» упоминаетъ о своихъ сочиненіяхъ: объ Яванѣ, змѣѣ прельстившемъ Еву и о родословіи первой исторической книги (т. е. Бытія) Но до насъ дошли только *три книги* его *о вѣрѣ къ Автолику*, одному образованному язычнику, который представлялъ Ѳеофилу много разныхъ возраженій противъ истинъ христіанской вѣры.—Ѳеофилъ былъ епископомъ 13 лѣтъ и умеръ въ 181 г.

(2) Etude patristique..... par *L. Choisy*. p. 28.

(3) De l'apologetique chretienne... par *B. Aubé* pag. 293.

(4) *Θεόφιλου πρὸς Αυτολυκον* или Ad Autolicum Edit. Gall.

Слово, по св. Θеофилу, есть Сынъ Божій (1), второе лице св. Троицы (2), истинный Богъ, равный Отцу. По своему существу Оно есть духъ (3), какъ и Богъ Отецъ и Его Премудрость—Духъ Святый. Вѣчно существуя въ нѣдрѣ Отца, Слово имѣетъ отъ вѣка и личное бытіе. Говоря о вѣчномъ существованіи Слова во Отцѣ, св. Θеофилъ питируетъ извѣстное мѣсто изъ Евангелія отъ Іоанна: въ началѣ было Слово и Слово было у Бога и т. д. (4). Бытіе свое Слово получило чрезъ *рожденіе* отъ Отца. „Богъ, имѣя свое Слово въ собственныхъ нѣдрахъ, родилъ Его, проявивъ Его вмѣстѣ съ своею Премудростію (т. е. Святымъ Духомъ) прежде всего“ (5); но рожденіе это было отъ вѣка, а не предъ сотвореніемъ и не для сотворенія Имъ міра, и чрезъ рожденіе Богъ-Слово не отдѣлился отъ Отца. „Отецъ самъ не лишился Слова, но вмѣстѣ съ Словомъ всегда пребывалъ (6). Исперва былъ одинъ только Богъ и въ Немъ Слово, всегда соприсущее Ему“ (7). „Богъ имѣлъ Его совѣтникомъ еще до начала міра и слова „сотворимъ человѣка“ говорилъ никому другому, какъ своему Слову и своей Премудрости (т. е. Духу Святому) (8). „Сынъ есть Слово, всегда сущее въ нѣдрѣ Бога, говоритъ апологетъ, но прежде, нежели что произошло, Богъ имѣлъ Его совѣтникомъ, такъ какъ Онъ есть Его умъ и мысль“ (9). Этими словами св. Θеофилъ ясно обозначаетъ отношеніе Слова къ своему Отцу.—Твореніе міра св. Θео-

---

(1) II кн. 22 гл. 210 стр.
(2) II, 15 гл. 203 стр.
(3) II, 10 гл. 195.
(4) II, гл. 22, 210 стр.
(5) II, 10 гл. 194—195 стр.
(6) II, 22 гл. 210.
(7) II, 10 гл. 195 стр.
(8) II, 18 гл. 205 стр.
(9) II, 22 гл. 210 стр.

филъ приписываетъ, какъ и всѣ предшествующіе апологеты, Слову Божію. Касаясь этого вопроса, апологетъ говоритъ о Словѣ въ Его отношеніи къ Отцу до творенія и о проявленіи Имъ своей дѣятельности въ твореніи. Слово, имѣя личное бытіе отъ вѣка, до творенія міра существовало въ собственныхъ нѣдрахъ Отца, какъ *Λόγος ενδιάθετος*: по волѣ Отца Оно сотворило міръ видимый и невидимый, явившись въ твореніи какъ *Λόγος προφορικὸς*. „Когда Богъ восхотѣлъ сотворить то, что Онъ опредѣлилъ, Онъ родилъ сіе Слово *вић проявленное* (*Λόγος προφορικόν*), перворожденное всей твари“ (1). Въ томъ же смыслѣ, какъ и предшествующіе апологеты, св. Θеофилъ называетъ Творцомъ и Бога Отца, выражаясь такимъ же образомъ: Богъ Словомъ своимъ и Премудростію (т. е. Духомъ Святымъ) сотворилъ все, ибо Словомъ Его небеса утвердились и Духомъ Его вся сила ихъ (2). Слово свое Богъ Отецъ „имѣлъ исполнителемъ своихъ твореній и чрезъ Него все сотворилъ: небо и землю и то, что въ нихъ“, говоритъ св. Θеофилъ и приводитъ слова Притч. 8, 27—29: „когда готовилъ Онъ небо, была Я съ Нимъ, и когда творилъ крѣпкія основанія земли, была при Немъ устрояя“ (3). Съ 11 главы апологетъ подробно говоритъ о твореніи міра, дѣлая комментарій на шестодневъ. Слово, давъ бытіе безвидной хаотической матеріи, по частямъ все образовало; явившись какъ свѣча въ заключенной комнатѣ, Слово освѣтило поднебесную, сотворивъ свѣтъ отдѣльно отъ міра (4); Оно повелѣло собраться водѣ въ одно мѣсто и появиться землѣ и т. д. (5).—Слову Божію св. Θеофилъ приписываетъ всѣ промыслительныя дѣй-

---

(1) II 22 гл. 210 стр.

(2) I, 7 гл. 175 стр.

(3) II, 10 гл. 195.

(4) 13 гл.

(5) Стр. 201.

ствія въ мірѣ и всѣ ветхозавѣтныя богоявленія, выходя изъ того положенія, что „Богъ и Отецъ всего необъятенъ и не можетъ находиться въ какомъ либо мѣстѣ, потому что нѣтъ мѣста успокоенія Его“ (1) Слово является исполнителемъ намѣреній Отца, какъ Его сила и премудрость. Чрезъ Слово свое Богъ врачуетъ и животворитъ (2). Оно управляетъ всѣмъ міромъ. „Слово называется началомъ, потому что начальствуетъ и владычествуетъ надъ всѣмъ, что чрезъ Него создано“ (3); но управленіе міромъ принадлежитъ въ тоже время и Богу Отцу, который владычествуетъ надъ всѣмъ чрезъ Сына своего—Слово (4). „Свое Слово, которое есть Богъ и отъ Бога рождено, Отецъ вселенной, когда хочетъ, посылаетъ въ какое либо мѣсто и Оно, посланное Богомъ, когда является, бываетъ слышимо и видимо и находится въ извѣстномъ мѣстѣ“ (5). Изъ всѣхъ ветхозавѣтныхъ богоявленій Слова св. Ѳеофилъ приводитъ только одно, именно явленіе Бога Адаму въ раю. „Слово Божіе, говоритъ онъ, ходило въ раю и бесѣдовало съ Адамомъ. И само св. писаніе научаетъ насъ, что Адамъ говорилъ, что онъ услышалъ голосъ. Что же такое голосъ, какъ не Слово-Богъ, которое есть и Его Сынъ“ (6)?—Точно также *вдохновленіе* ветхозавѣтныхъ пророковъ св. Ѳеофилъ относитъ къ дѣятельности Слова, иногда приписывая его впрочемъ и Духу Святому, по нераздѣльности ихъ существа. „Слово, будучи духомъ Божіимъ (7), началомъ, премудростью и силою Вышняго, сходило на пророковъ и чрезъ нихъ глаголало о тво-

---

(1) II, 22 гл.

(2) II, 22 гл.; I, 7 гл. 175 стр.

(3) II, 10 гл. 195 стр.

(4) I, 3 гл. 171 стр.

(5) II, 22 гл. 210.

(6) Ibid 209 стр.

(7) Здѣсь разумѣется духовная сущность Слова.

реніи міра и о всемъ прочемъ. Потому что не было пророковъ при созданіи міра, но Премудрость Бога (т. е. Духъ Святый), сущая въ Немъ, и святое Слово Его, всегда соприсущее Ему" (1) „Слово Божіе чрезъ Моисея, какъ свое орудіе, говоритъ" и т. д. (2). А въ другомъ мѣстѣ апологетъ пишетъ: мы научены Святымъ Духомъ, который говорилъ во святыхъ пророкахъ и все предвозвѣстилъ (3). Этимъ и ограничивается все ученіе св. Ѳеофила о Словѣ.

Св. Ѳеофилъ полнѣе своихъ предшественниковъ раскрываетъ внутреннюю сторону божественной жизни и, рѣшая вопросъ объ отношеніи Слова къ Отцу, не допускаетъ такихъ неопредѣленныхъ и двусмысленныхъ выраженій, какія напр. мы видѣли у Татіана. Говоря о св. Ѳеофилѣ антіохійскомъ, Гильенъ замѣчаетъ: тайна трехъ божественныхъ лицъ въ первый разъ выражена такъ въ этой книгѣ (т. е. твореніяхъ св. Ѳеофила); авторъ изъясняетъ рожденіе Слова гораздо точнѣе, чѣмъ можно встрѣтить въ сочиненіяхъ предшествующихъ ему апологетовъ (4).

Это православное ученіе св. отца встрѣчаетъ и возраженія со стороны отрицательной критики. Такъ многіе раціоналисты утверждаютъ, что свое ученіе о Словѣ св. Ѳеофилъ заимствовалъ у Филона и что онъ даже не былъ будто бы христіанскимъ писателемъ, а

---

(1) II, 10 гл. 195 стр. Св. Ѳеофилъ называетъ *Премудростью* 3-е лице св. Троицы; но говоря о свойствахъ Слова или Его божественной природѣ, онъ называетъ иногда и Слово премудростью, умомъ и силой Отца. Высочайшая премудрость — это общее свойство ума Божія и апологетъ, не противорѣча св. писанію, могъ назвать такъ Слово. Но когда онъ говоритъ о лицахъ, то всегда различаетъ мудрость, какъ общее свойство Божіе, и Премудрость, какъ 3 е лице св. Троицы. См. I кн. 7 гл., II, 10, 15, 22 и др. гл.

(2) II, 10, 195 стр.

(3) II, 33, 222 стр.

(4) Bibliothèque choisi des pères de l'Eglise grecque et latine, ou Cours d'eloquence sacrée, par *M. N. S. Guillon*. Paris. 1824. ч. I, т. I, стр. 345.

только ученикомъ и послѣдователемъ Филона александрійскаго.

Съ подобнымъ возраженіемъ мы уже встрѣчались при изложеніи ученія о Словѣ св. Іустина. Не повторяя уже сказаннаго выше, мы теперь замѣтимъ только, что ученіе св. Θеофила по духу и характеру своему совершенно отличается отъ ученія Филона. Если бы св. Θеофилъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Филона, то духъ послѣдняго отразился бы въ твореніяхъ св. Θеофила; но апологетъ не только не согласенъ съ Филономъ, но даже стоитъ въ противоположности съ нимъ. По Филону, Богъ — единъ и не имѣетъ въ Себѣ ипостасей; Логосъ его, какъ мы уже видѣли, не есть Богъ, живая личность, а отвлеченная идея или совокупность идей; а по Θеофилу, Богъ— единъ по существу и троиченъ въ лицахъ; Слово есть Сынъ Божій, равный Отцу. По Филону, матерія совѣчна Богу, для котораго унизительно творить міръ и входить съ нимъ въ общеніе; между матеріею и Богомъ—неизмѣримая пропасть; а по Θеофилу міръ сотворенъ изъ ничего Богомъ, который не ограничивается только созерцаніемъ Себя, а входитъ въ общеніе съ міромъ, промышляя о немъ и владычествуя надъ нимъ. Также противоположны взгляды того и другаго въ ученіи о человѣкѣ (1). Наконецъ, тотъ и другой расходятся по источникамъ, откуда почерпали и развивали свое ученіе. Филонъ, какъ извѣстно, былъ представителемъ того религіозно-философскаго движенія, главною задачей котораго было примирить іудейство съ языческой философіей. Онъ былъ полуіудейскимъ и полуязыческимъ писателемъ и находился подъ вліяніемъ не столько Моисея, сколько Платона, Пиѳагора и др. языческихъ философовъ; тогда какъ св. Θеофилъ былъ христіанскимъ писателемъ, главнымъ авторитетомъ для котораго было св. писаніе. Его

(1) Мы не разбирали здѣсь взгляда св. Θеофила на этотъ предметъ такъ какъ это выходитъ изъ предѣловъ нашей задачи.

ученіе о Словѣ есть ученіе апостольское; онъ цитируетъ, какъ мы видѣли, мѣста изъ евангелія отъ Іоанна: *вся Тѣмъ* (т. е. Словомъ) *быша* и т. д. (1).

Существуютъ также возраженія и противъ отдѣльныхъ пунктовъ ученія св. Θеофила. Такъ напр. Риттеръ (2) и многіе изъ раціоналистовъ утверждаютъ, что ученіе св. Θеофила о св. Троицѣ неопредѣленно, что Слово, по его ученію, неравно Отцу по своему существу, что Оно получило личное бытіе лишь со времени творенія міра.

Но всѣ эти возраженія не имѣютъ для себя основаній въ сочиненіяхъ св. Θеофила. Этотъ апологетъ, какъ мы уже видѣли, первый изъ всѣхъ опредѣленно училъ о св. Троицѣ и первый употребилъ этотъ богословскій терминъ, изъясняя шестидневное твореніе міра: „три дня, говоритъ онъ, которые были прежде созданія свѣтилъ, суть образы *Троицы*: Бога и Его Слова и Его Премудрости (т. е. Духа Святаго) (3), ясно и опредѣленно выражая такимъ образомъ различіе божественныхъ лицъ. Что же касается единства существа всѣхъ трехъ лицъ св. Троицы, то оно ясно слѣдуетъ изъ самой цѣли, которую преслѣдуетъ христіанскій писатель, противопоставляя христіанскій монотеизмъ политеистическимъ религіямъ древности. Очевидно, что допуская неравенство существа между тремя божественными лицами, онъ разрушалъ бы собственной рукой положеніе о единствѣ Божіемъ, которое онъ старался выставить предъ лицемъ язычниковъ: это значило бы признавать трехъ боговъ вмѣсто одного. — Называя Слово терминами: *Λόγος ἐνδιάθετος* и *Λόγος προφορικὸς*, св. Θеофилъ не отрицаетъ тѣмъ вѣчнаго рожденія и личнаго бы-

---

(1) II, 22 гл.

(2) Geschichte der christlichen Philosophie, von *Heinrich Ritter*. Erster theil. Hamburg. 1841 г. Стран. 325.

(3) II кн. 15 гл.

тія Слова до творенія, а только изображаетъ Его подъ двумя различными видами, какъ 1) Слово имманентное Отцу, пребывающее въ лонѣ Его, сокровенное въ Немъ, имѣющее свое основаніе и свой источникъ въ Богѣ Отцѣ и 2) какъ Слово дѣйствующее съ Богомъ и во внѣ, какъ Слово проявившее Себя въ твореніи, какъ Слово—Творца міра. Выраженія *Λόγος ἐνδιάθετος* и *Λόγος προφορικὸς* вовсе не относятся къ вѣчному рожденію Слова отъ Отца, а къ дѣятельности Слова (1). Мы уже видѣли, что у св. Θеофила есть ученіе о домірномъ, предвѣчномъ рожденіи Слова отъ Бога Отца. „Слово всегда существовало въ лонѣ Отца; прежде всякаго творенія Богъ совѣтовался съ Нимъ. Но когда Богъ восхотѣлъ сдѣлать то, что Онъ рѣшилъ, Онъ проявилъ, родилъ свое Слово, какъ *Λόγος προφορικὸς*". Это то самое и называетъ св. Θеофилъ, какъ и другіе апологеты, выхожденіемъ, распространеніемъ и даже рожденіемъ Слова, чего никакъ не нужно смѣшивать съ предвѣчнымъ рожденіемъ. Но и какъ *Λόγος προφορικὸς*, Слово не оставило Отца. Оно было съ От-

---

(1) Выраженія: *Λόγος ἐνδιάθετος* и *Λόγος προφορικὸς* встрѣчаемъ и у *стоиковъ*, считавшихъ *Λόγος* міровымъ разумомъ, неотдѣлимымъ отъ самой матеріи, тождественнымъ съ космосомъ или цѣлымъ міромъ, во всей его совокупности. Душа человѣка, по ученію стоиковъ-панлогистовъ, есть частный модусъ міроваго *Λόγος*'а. Этотъ модусъ, этотъ индивидуальный *Λόγος* въ каждомъ человѣкѣ проявляется двоякимъ образомъ: какъ *Λόγος ἐνδιάθετος* и какъ *Λόγος προφορικός*. Первый есть разумъ или мышленіе человѣка, а второй—выраженіе мысли въ рѣчи, въ звукѣ, въ словѣ. Чрезъ свой *Λόγος ἐνδιάθετος*, чрезъ научно-философское изслѣдованіе природы, человѣкъ познаетъ міръ и управляющіе имъ законы. Этотъ же *Λόγος* (разсудокъ человѣка) служитъ принципомъ и практической дѣятельности человѣка.—Изъ сочиненій св. Θеофила мы видимъ, что онъ употребляетъ философскіе термины *Λόγος ἐνδιάθετος* и *Λόγος προφορικὸς* вовсе не въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребляли ихъ стоики. Вообще нужно замѣтить, что всѣ апологеты II вѣка, имѣя дѣло съ образованными язычниками, нерѣдко употребляютъ философскіе термины и доказываютъ, что истинная философія есть христіанство.

цемъ и „Отецъ вмѣстѣ съ Словомъ своимъ пребывалъ“ (1).

Обозрѣвши ученіе о Словѣ у восточныхъ апологетовъ II вѣка, мы видимъ, что въ главныхъ своихъ чертахъ оно является болѣе или менѣе сходнымъ. Раскрытое во всей широтѣ св. Іустиномъ, проложившимъ путь христіанской апологетикѣ, оно повторялось послѣдующими апологетами съ большими или меньшими различіями. Сходство зависѣло какъ отъ одинаковости предмета и одинаковости пріемовъ раскрытія высокихъ христіанскихъ истинъ, такъ главнымъ образомъ отъ одинаковости источника, на основаніи котораго они раскрывали свое ученіе о Словѣ. Источникомъ для нихъ служило св. писаніе. Не сказавши ничего новаго, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не создавши никакого новаго догмата, они раскрывали съ подробностію и обстоятельностію и объясняли научнымъ образомъ однѣ и тѣже истины, данныя въ Откровеніи, и ихъ ученіе о Словѣ Божіемъ, не смотря на различіе словъ, формъ и разныхъ оборотовъ, въ какихъ оно выражалось, представляетъ въ сущности одну и туже истину, которая дана была путемъ откровенія и которую съ самаго своего основанія содержала и доселѣ содержитъ св. церковь.

---

(1) II кн. 22 гл. Ср указ. соч. Фреппеля, 13 lect. 277 pag. и Nouvelle Bibliotheque des auteurs ecclesiastiques, contenant l'histoire de leur vie, le catalogue, la critique et la chronologie de leurs ouvrages, par *Du-Pin*. T. I, стр. 67.